№ 112. Годъ третій. Пятница, 25 сентября 1887 года. Годъ третій. № 112.

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Главная Контора (Спасская, домъ Картамышевой) открыта для пріема рекламъ и объявленій, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 8 ч. утра до 5 пополудни и съ 4 до 8 ч. в. Цѣна газеты: Годъ 7р., 1/2 г. 3 р. 50 к.; 1/4 г. 1р. 75 к., 1 мѣсяцъ 75 к. съ доставкою и пересылкою по почтѣ. Объявленія: 10 к. строка петита, впереди—20к., за разсылку отдѣльныхъ объявленій при газетѣ—10р. за 1000 экземпляровъ.

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Редакція (Томскъ, Спасская улица домъ Картамышевой) для пріема рукописей открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 8 ч. утра до 2 ч. дня и съ 4 до 8 ч. вечера. Рукописи должны быть непремѣнно съ подписью и адресомъ автора. Возвращеніе неиспользованныхъ корреспонденцій и замѣтокъ для редакціи необязательно. Наклеиутая дней нагода газеты объявленія принимаются въ типографіи до 12 часовъ ночи.

Телеграммы адресуются: Томскъ, Картамышеву. Выходитъ въ Томскѣ три раза въ недѣлю, по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ. Перемѣна адреса (сообщается № бандероли)-30 к.

Слѣдующій номеръ „Сибирскаго Вѣстника", по случаю праздника, выйдетъ завтра, въ субботу, 26 сентября.

Редакція „Сибирскаго Вѣстника"— Томскъ, Спасская улица, домъ Картамышевой.
Редакторъ, для личныхъ объясненій, принимаетъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 11 часовъ утра.
Отдѣленіе редакціи „Сибирскаго Вѣстника"—Красноярскъ, Большая ул., домъ Кудрявцевой.
Уполномоченный—Емельянъ Ѳедоровичъ Кудрявцевъ ежедневно принимаетъ, для отсылки въ редакцію, письма, корреспонденціи, статьи и даетъ личныя разъясненія по дѣламъ населенію редакціи.

Главная Контора редакціи и типографіи „Сибирскаго Вѣстника":
Томскъ, Спасская улица, домъ Картамышевой.

ОТДѢЛЕНІЯ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ И ТИПОГРАФІИ:
Бійскъ. Библіотека Реброва. Иркутскъ. Уполномоченный—Ив. Александровичъ Ильинъ. Забрагская улица, домъ Новской. Красноярскъ. Уполном.—Ем. Ѳ. Кудрявцевъ. Большая улица, д. Кудрявцевой. Омскъ. Бл. магазинъ Александрова.

Открыта подписка на 1888 годъ.

Въ 1888 году «Сибирскій Вѣстникъ» будетъ продолжать выходить **три раза въ недѣлю**, по середамъ, пятницамъ и воскресеньямъ. Въ теченіе года выйдетъ 150 номеровъ.

Томскіе подписчики будутъ ЕЖЕДНЕВНО получать Телеграммы «Сѣвернаго Агентства».

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: Годъ 7 р.*), 1/2 года 4 р., 1/4 года 2 р., 1 мѣс. 1 руб.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ ея отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ: Михайлова и Макушина въ Томскѣ и Кожарова—въ Красноярскѣ.

Отдѣленія Конторы въ Барнаулѣ и Семипалатинскѣ съ 1 января будутъ закрыты.

*) Въ виду значительныхъ расходовъ по изданію газеты, редакція вынуждена ходатайство объ увеличеніи подписной суммы до 8 р. въ годъ. Если на это послѣдуетъ разрѣшеніе, годовые подписчики будутъ приглашены доплатить **одинъ** рубль.

Продолжается подписка на 1887 годъ.

2 р. 40 к.—съ 1 сентября по 1 января 1888 года.

Подписка на другіе сроки продолжается: Годъ **7 р.**; 1/2 года— **3 р. 50 к.**; 1/4 года—**1 р. 75 к.**, 1 мѣсяцъ **75 к.** При подпискѣ на 11, 10, 9, 8, 7, 5, 4 и 2 мѣсяца увеличивается **60 к. за каждый мѣсяцъ.**

Отдѣльные номера продаются: въ Главной Конторѣ по **7 к.**, а у разнощиковъ по **10 к.**

ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ

по прежнему помѣщаться: мужская—по Владимірскомъ мужскомъ училищѣ, въ зданіи, гдѣ помѣщается Сѣверная часть, женская—въ уѣздномъ училищѣ.
Занятія возобновляются и будутъ происходить каждое воскресенье съ 11 ч. утра до 2 ч. дня.
Приглашаются всѣ безграмотные и малограмотные, кто желаетъ учиться, но въ будни не имѣетъ досуга.

ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНОЕ.

Смотритель училища П. Бутковъ.

Русскій св. Андреевскій общежительный скитъ на Аѳонѣ смиренно имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія своихъ благодѣтелей и знакомыхъ, что бывшій настоятель нашей обители архимандритъ Ѳеодоритъ по воли Божіи 10 сентября сего 1887 года, скончался. Вмѣсто же себя, еще при жизни своей, 3 августа сего же 1887 года, постановилъ настоятелемъ скита всеочтеннѣйшаго духовника нашей обители іеромонаха отца Иоанникъ, почему и просимъ нашихъ благодѣтелей и знакомыхъ впредь адресовать такъ: въ г. Одессу на Аѳонское Андреевское подворье, довѣренному Андреевскаго скита, съ передачею на Аѳонъ въ Андреевскій скитъ, настоятелю іеромонаху Иоанникъ съ братіею.
№ 240. 2.—(3).

СОДЕРЖАНІЕ.

Телеграммы.
Къ переселенческому вопросу.
Текущая замѣтка.
Сибирская лѣтопись: городскія извѣстія; театральная хроника; корреспонденція изъ Барнаула и Бійской волости; разныя извѣстія.
Внутренняя хроника.
Заграничная хроника.
Сибирская старина.
Справочныя свѣдѣнія.
Объявленія.
Фельетонъ: 1) Литературная бесѣда.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Петербургъ, 23 сентября. Опубликованъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ относительно преобразованія и улучшенія личнаго состава полицейскихъ урядниковъ: къ циркуляру приложены инструкціи, коими точно опредѣлены обязанности урядниковъ. Сверхъ того разослано отдѣльно приложеніе къ инструкціи.

Владивостокъ, 20 сентября. Великій князь Александръ Михайловичъ возвратился изъ путешествія по Амуру и Уссури.

Софія, 22 сентября (4 октября). Оппозиція проявляетъ усиленную дѣятельность, не смотря на стѣснительныя мѣры правителей. Опасаются смутъ и вторженія болгарскихъ эмигрантовъ. Принимаются большія военныя предосторожности внутри княжества; пограничные пункты занимаются войсками съ артиллеріей.

— 23 сентября (5 октября). Число вооруженныхъ бандъ увеличивается и усиливается случаи, что въ пограничныхъ мѣстностяхъ Турціи и Румеліи собираются эмигранты для вторженія въ княжество.

Римъ, 22 сентября (4 октября). Министерская газета «Реформа», говоритъ, что въ фридрихсруэ никакихъ особыхъ сдѣлокъ между Германіей и Италіей не послѣдовало.

Афины, 23 сентября (5 октября). Уже третій день происходятъ почти по всей Греціи землетрясенія; много вреда причинено; землетрясеніемъ особенно въ Коринѳѣ.

Вѣна, 23 сентября (5 октября). Король греческій поступилъ вчера графа Калноки.

С.-Петербургская биржа, 22 сентября 1887 г.

Вексельный курсъ на 3 месяца:

на Лондонъ	21 11/16 д.	21 11/16 пр.
„ Гамбургъ	„ 182 1/2 м.	182 1/2 пр.
„ Парижъ	„ 227 1/2 м.	227 1/2 сант.
Золото: полуимперіалы		9 р. 17 к.
таможенные купоны (за 100 р. мет.)		177 р. 50 к
Серебро		1 р. 32 к.
Дисконты		5 1/2 р. 7— к.

5%, билеты Государственнаго Банка:

1 выпуска	99 р.	75 к.
2 „	98 р.	87 к.
3 „	98 р.	87 к.
4 „	98 р.	87 к.
5 „	98 р.	87 к.
6 „	— р.	— к.

Фонды:

5%, Восточный заемъ: 1 выпуска	98 р.	75 к.
„ „ „ 2 „	98 р.	75 к.
„ „ „ 3 „	98 р.	75 к.
5%, 1-й внутр. заемъ съ выигрышами	274 р.	25 к.
„ 2-й „ „ „ „	252 р.	25 к.
5 1/2% рента	102 р.	25 к.
6%, золотая рента	193 р.	50 к.
6% консолидированный заемъ	164 р.	50 к.
Новая желѣзнодор. рента	99 р.	— к.
Дворянскій земельный банкъ	99 р.	25 к.
4%, Новый внутр. заемъ	83 р.	— к.

Облигаціи Кредитныхъ Обществъ:

5%, С.-Петербургскаго	95 р.	25 к.
5%, Московскаго	96 р.	50 к.
5 1/2%, Одесскаго	96 р.	25 к.

Закладные листы:

4 1/2%, Полтавскаго поземельнаго кредита	— р.	к.
5%, Общества Поземел. Кред., мет.	167 р.	— к.
„ „ „ „ „ „	94 р.	— к.
5 1/2%, Херсонскаго земельнаго банка	98 р.	50 к.
6%, Харьковскаго	102 р.	25 к.
„ Полтавскаго	102 р.	75 к.
„ Спб.-Тульскаго	102 р.	50 к.
„ Кіевскаго	102 р.	50 к.
„ Московскаго	102 р.	25 к.
„ Бессарабско-Тавр.	102 р.	25 к.
„ Нижегор.-Самар.	102 р.	50 к.
„ Виленскаго	102 р.	50 к.
Акціи: Волжско-Камск. банка.	726 р.	— к.
„ Главнаго Общества Рос. жел. дор.	269 р.	— к.
„ Рыбинско-Бологовскаго	86 р.	75 к.

Настроеніе: *вялое*

Пшеница рус. наличн. за 10 п. 6 р. 25 к. — 7 р. — к.
„ сахалинск. „ „ 10 р. — к. — 11 р. 25 к.
Рожь наличн. въ 9 пуд. 5 р. — к. — 5 р. 50 к.
Овесъ. „ „ 6 „ 3 р. 10 к. — 3 р. 20 к.
Ячмень „ „ 8 „ — р. — к. — р. — к.
Семя льняное, наличн., въ 9 п. 12 р. 25 к. — 12 р. 50 к.
Мука ржаная, за Московскую, 1 п. 9 пудовъ 5 р. — к. — 5 р. 50 к.
Мука ржаная, наличная, въ 9 пудовъ 4 р. 50 к. — 5 р. 75 к.
Крупа, ядрица, наличн., за куб., въ 6 п. 30 ф. 20 р. — к.
Керосинъ русскій наливомъ — р. 80 к. — к.
Сахаръ: рафин. 1-й сорт 3 р. 75 к.
„ „ 2-й „ 5 р. 60 к.
Сахарный песокъ 4 р. 75 к. — р. — к.

Томскъ, 24 сентября.

Мы уже неоднократно говорили о переселенческомъ дѣлѣ и указывали на многіе недостатки, которыми оно страдаетъ; сегодня возвращаемся опять къ этому вопросу для того, чтобы сравнить послѣдніе результаты переселенческаго движенія въ Сибирь, въ Оренбургскій край и на дальній востокъ, т. е. въ Приамурскій край. Давно уже извѣстно, что, какъ въ Западной, такъ и въ Восточной Сибири, главныя преграды встрѣчаемыя переселенцами, заключаются: въ полной неизвѣстности мѣстоположенія тѣхъ *вольныхъ земель*, о которыхъ мечтаетъ всякій крестьянинъ, рѣшившійся покинуть свое родное гнѣздо и искать счастія въ новѣдомой, отдаленной странѣ; въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ у огромнаго большинства переселяющихся и въ чрезмѣрныхъ требованіяхъ старожиловъ, вымогающихъ съ переселенцевъ слишкомъ возвышенную плату за пріемныя приговоры. Всѣ эти недостатки, сведенные въ общій итогъ, указываютъ на полное отсутствіе какой-либо правильной организаціи переселенческаго дѣла, вызывавшее даже обратное движеніе на родину. Тѣмъ же неустройствомъ переселенія объясняется и тотъ фактъ, что движеніе переселенцевъ принято другое направленіе. Болѣе состоятельные крестьяне, имѣющіе средства на проѣздъ и обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ, предпочитаютъ совершать кругосвѣтное плаваніе и на пароходахъ добровольнаго флота отправляются на дальній востокъ; бѣдные же стремятся въ Оренбургскій край, куда ихъ привлекаетъ удобное и довольно дешевое сообщеніе и сравнительно небольшое разстояніе. *Въ Сибирь же движеніе переселенцевъ сокращается.*

Оренбургская губернія, хотя еще мало заселена, за исключеніемъ Оренбургскаго уѣзда, но въ ней почти нѣтъ свободныхъ земель, то есть земель, находящихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ; почти всѣ земли принадлежатъ такъ частнымъ лицамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ, обладающимъ нерѣдко десятками тысячъ десятинъ, которыя они, конечно, не въ состояніи воздѣлывать, и потому приглашаютъ переселенцевъ приходится или снимать въ аренду потребное ихъ количество земли, или же пріобрѣтать ее въ собственность, а въ большинствѣ случаевъ, какъ одно, такъ и другое средства, сопряжены со многими затрудненіями и весьма часто составляютъ для нихъ непосильный расходъ.

Въ сосѣдней съ Оренбургскою губерніею—Тургайской области, дѣло представляется въ другомъ видѣ. Всѣ 40 милліоновъ десятинъ, составляющихъ поверхность области, признаны государственною собственностію; изъ этого количества 3 милліона десятинъ признаны свободными и удобными для заселенія, остальныя же земли частью неудобны, частью же отданы въ пользованіе киргизамъ, съ которыхъ казна взимаетъ кибиточный сборъ, приносящій около 250.000 рублей годоваго дохода. Такимъ образомъ, въ Тургайской области, на свободной, приведенной въ извѣстность государственной землѣ, можно поселить 200,000 душъ, считая земельный надѣлъ по 15 десятинъ на душу мужскаго пола, или, говоря другими словами, можно поселить 400.000 земледѣльческаго населенія обоего пола, не считая дѣтей. Опредѣлая стоимость удобной земли въ 10 руб. за десятину, а арендную плату, т. е. оброкъ, по 50 коп. съ десятины, казна, заселивъ область, должна бы получать 1 1/2 милліона руб. ежегоднаго дохода. Не смотря однакожъ на такое обилие земли, не приносящей теперь почти никакой пользы, ни казнѣ, ни переселенцамъ, не смотря на выгодныя условія, на которыхъ можно пріобрѣтать ее въ вѣчное владѣніе, или временно пользоваться ею на болѣе или менѣе продолжительные сроки, на нѣй селится немногіе новоселы, и это опять объясняется исключительно недостаткомъ правильной, или какой либо организаціи переселенческаго дѣла.

Тургайская область, даже въ административномъ отношеніи, находится въ исключительномъ положеніи; она учреждена сравнительно недавно и до сихъ поръ не имѣетъ ни областнаго, ни уѣздныхъ городовъ, такъ что начальникъ области живетъ въ Оренбургѣ, гдѣ и сосредоточиваются областныя присутственныя мѣста, а исправники только въ послѣднее время переѣхали изъ Оренбурга въ свои уѣзды, гдѣ и живутъ въ рѣдкихъ старыхъ, или во вновь образующихся селеніяхъ. Кромѣ того, свободныя земли, хотя и приведены приблизительно въ извѣстность, но фактически находятся еще во владѣніи кочующихъ киргизовъ, а это послѣдніе, не смотря на то, что всѣмъ имѣ объявлено, что эта земля составляетъ собственность государства, считаютъ ее своею и не стѣсняются отдавать участки въ аренду отъ себя. При такихъ условіяхъ, прибывающіе переселенцы, не имѣя и не умѣя собрать положительныхъ свѣдѣній о свободной и дешевой или имѣющія, цѣнныя поиски за половини и кончаются, съ полномочіями и отказываніями волосъ со лба, на обрасть. Потомъ, поклонившись имѣ, стали перегораживаться другъ другомъ, толкаясь и тоначасъ на мѣстѣ; видимо, они еще несходна между собой сговорились. Большинство было одѣто въ старые заплатанные зипуны верблюжьяго сукна и истертыя оленьи доти. Тулупы—у двухъ-трехъ. Лица всѣ распухшія, тряпаго, землистаго оттѣнка, со всключенными бородами и волосами, утыканными сѣнной трухой и соломинками. У нѣкоторыхъ подъ подбородокъ сѣнмиваались зубы (!). У одного парня и замѣтилъ три зобы: одинъ подъ подбородокъ, а два другіе—какъ распухшіе желваки по бокамъ, точно крутыя картофелины. Голоса и физіономіи совсѣмъ дикіе. Что-то «стадное» чуялось имѣ въ этой, топтавшейся передо мной, грудѣ людей.

Угадывая причину ихъ нашествія, я однако-же спросилъ ихъ о нѣй.

— Мы къ тебѣ, ваше благородіе, насчетъ дороги... Вдать теперь не приходится,—заговорили передніе, и отъ нихъ такъ и понесло сивухой.

— Что же такъ, господа? отчего это не приходится?

— А стало-быть не приходится... Черезъ дорогу, напримѣръ...

Изъ переднихъ рядовъ выступилъ рыжій угрюмый мужикъ.

— Теперя ѣхать—пропадать надо! Теперя рѣчки по канавамъ-то ровно малы вплитъ... Конь супроти воды не устоитъ... Его сшибетъ и тебя съ нимъ закрутитъ, да въ Лену и снесетъ... Не дай Богъ! У насъ объ эту пору прошлый годъ пошла цѣла, десятью конами...такъ тоже за рѣчками стала... Трое сутокъ жила, а называется: «экстренность»... Ничего не подѣлаешь... Опять же и зябръ. Теперь на вешнаго-то не дай Богъ пятнуться! Тутъ уже какъ пожръ, мы эти дѣла крутю знаемъ... Теперя, вотъ уже колько сутокъ, вся наша деревня, видать дворовъ считается, никуда не ѣдимъ,—потому нельзя!

Я вглядѣлся въ физіономію оратора. Рыжій, съ оттѣнкомъ самоувѣренности въ тонѣ и движеніяхъ, онъ въ упоръ смотрѣлъ на меня своими сѣрыми на выкатѣ глазами, видимо желая собой представителя толпы. Отъ него тоже шелъ сильный сивушный запахъ.

— И давно это вы никуда не ѣдите?—спросилъ я его.

— А вотъ уже четвертыя сутки!.. вотъ тѣ

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА".

Литературная бесѣда.

Дома—ной.

Разсказы и очерки изъ сибирской жизни, сколько-нибудь правдивые, типичные и характерные, встрѣчаются очень рѣдко въ текущей журналистикѣ. Г. Наумовъ волчитъ, молодые наши беллетристы, какъ г. Короленко, обратились къ общимъ типамъ русской жизни, а мѣстные авторы—увы! не даютъ почти ничего, достойнаго печати. Пріятное исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи повѣшившійся въ нашей книжкѣ «Дѣла» отрывокъ изъ сибирскихъ воспоминаній г. Кларка, подъ названіемъ: «Варначка». Авторъ даетъ намъ грустную, но вполнѣ правдивую картинку сибирской жизни, написанную живыхъ, хорошихъ языкомъ, безъ всякихъ лишнихъ претензій и заднихъ мыслей. «Восточное Обозрѣніе» уже усѣлло упрекнуть г. Кларка за правдивое изображеніе «сибиряка» и взяло подъ свою защиту ленскаго ящика,—очевидно, разсказъ г. Кларка попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Нашъ онъ напоминалъ лучшіе очерки г. Наумова, и мы съ особенимъ удовольствіемъ отлагаемъ обычную нашу журнальную бесѣду до будущей пятницы, чтобы привести «Варначку» цѣликомъ. *Ред.*

Варначка.

I.

Весной 188* года, прѣѣздомъ изъ Сибири въ Россію, мнѣ пришлось остановиться на одной изъ станцій по р. Ленѣ. По словамъ ямщичьяго старости, тѣхъ дальше было непонятно: Лена разлилась вплоть до горъ и по берегамъ нагромоздила цѣлыя пирамиды льдинъ.

Остановка на этомъ пути непріятна, тошительна: тянетъ на югъ, хочется дальше отъ этого мглистаго неба, отъ суровой Лены, съ ея горами, отъ угрюмой тайги, съ ея таинственно-тихимъ шумомъ, отъ непроглядной глуши, бѣдныхъ деревень съ ихъ сѣрыми унылыми картинами голода, тупости, скуки.

Я выглянулъ въ окно станціи. По небу низко неслись разорванные клочья сѣрыхъ тучъ, тутъ розовѣлъ по краямъ отъ потухающей за горами вечерней зари. Въ просвѣтѣ между ними виднѣлось вечернее бѣдно-голубое сѣверное небо. Сверкалось. Вода подходила вплоть до деревни. На берегу рѣки лежали горы льдинъ, нагроможденныя одна на другую. По свинцовой поверхности Лены, черѣпи, тянулись одна за другой—уносимыя теченіемъ, подмытыя съ кутъ—или, корягя, бревна. На противуположномъ берегу, въ туманной мглѣ, черѣпки горы...

Въ станціонной комнатѣ сонсѣмъ стемнѣло. Замирающій огонекъ лампадки изъ синяго стекла, слабо вспыхивая, колеблющимся свѣтомъ, озарялъ потемнѣлый ликъ Христа и его страдальчески-наклоненную голову въ терновомъ вѣнцѣ... У двери, за выступомъ печи, надобдливо трещалъ сверчокъ. Съ крыльца доносился тихій грубый говоръ ямщиковъ.

Дверь скрипнула. Я обернулся. Въ комнату—копчикой походкой, пригибаясь и кланяясь—пошелъ высокій худощавый человѣкъ.

— Меня изволили требовать? спросилъ онъ, остановившись передо мною и вытянувъ руки съ казенной формальностью.

— А вы здѣсь писаренъ?.

— Я-съ.

— Такъ скажите пожалуйста, г. писарь, неужели теперь по тайгѣ ѣхать нельзя?

— Теперя подъ ночь дѣйствительно нельзя-съ... Дорога—одна тропа таежная.

— Ну, а если облака разойдутся? Теперь вѣдь полнолуніе?

— Все одно-съ... Рѣчки очеиню играютъ съ горъ... Сибгаетъ тамъ,—ну, онѣ и бурлятъ... Совсѣмъ гоша сибдаетъ, коли сжели переходитъ... Вода-то черезъ сѣдло хлещетъ. Опять же и зябръ[1] много ходячаго, такъ что и шаркунцы [2]) не помогутъ... Почью-то онъ сжѣлъ... А теперь на нѣго, на вешнаго-то, пятнуться—избави Богъ: отощалъ за зиму и противу лѣта слабъ.

— Какъ же этихъ страстей до васъ не было? Я вѣдь тоже почти ѣхалъ...

— Такъ раньше другое-съ: и горы не такія, и зября меньше.

Онъ вѣсколько замялся. Я видѣлъ, что онъ «поотзинрутъ», видимъ.

— А тамъ говорили, что у насъ зября меньше и дорога лучше! Кто же правъ?

— Да какъ угодно-съ... Это собственно отъ старости зависитъ. Лошадей онъ назначаетъ, а я записываю. Только не знаю, какъ поѣдете-съ...

— Да верхомъ и поѣду!.. Я уже эти разсказы не первый разъ слышу по станціямъ, а все-таки ѣду по берегамъ, и тайгой... Просто, кажется, у васъ всѣ ямщики перепились,—да и лѣнь вдобавокъ! Оттого и «опасно». Я торопливо ѣхалъ, жить у васъ тутъ недешево! Передайте старостѣ, что если черезъ 10 минутъ не осѣдлаютъ лошадей, я пишу жалобу. Жалобная книга здѣсь у васъ?

Онъ столъ и молчалъ. Въ темнотѣ и не могъ видѣть его лица.

— Хорошо-съ!... Я скажу старостѣ объ лошадяхъ-съ, проговорилъ онъ, поворотившись къ двери.

— Да дайте пожалуйста свѣчу!

— Хорошо-съ, сейчасъ прикажу.

Онъ вернулся отъ двери и пошелъ наискось, съ перегородкѣ, въ другую дверь.

— Онна!.. Здѣсь, что-ли?.. Свѣтла дай!

Никто не отвѣчалъ, но за перегородкой послышался шорохъ.

— Онна! слышь, что-ли? Ты пошто не откликаешься? Полно-на-тебѣ!—тише сказалъ онъ.—Ты, не поможетъ ужъ! Сидѣти-ка!

— Зажгу, зажгу!.. идя себѣ—раздался тихій, дрожащій голосъ женщины.

Онъ что-то пробурчалъ, опять прошелъ мимо меня въ дверь, на крыльцо, къ ямщикамъ. Я продолжалъ сидѣть у окна, положивъ на подоконникъ руки. Къ окну подошелъ, покачиваясь, мужикъ.

— Лаксѣй Мировичъ—ты что-ли-ча?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ. Я проѣзжающій.

— А-а!.. проѣзжающій!.. А писаря нѣту-та? Идѣ онъ?

— Вышелъ... не знаю.

Мужикъ, почесываясь, топтался передъ окномъ. Онъ былъ замѣтно выпившимъ.

— Дѣ это теперя наловишь... А опосля такъ и пропадетъ!—разсуждалъ онъ вслухъ.

— Что такое пропадетъ?—заинтересовался я.

— А... напримѣръ... могила!—отвѣчалъ онъ, почесывая подъ армякомъ спину.

— Какая же это могила?... утонутъ, что-ли, кто?—вспомнилъ я «рѣчки».

— Поопъ утонулъ? у насъ не тонутъ. Для писаря рыли.

— Для писаря? Да вѣдь онъ живой. Ты его видѣлъ-то?

— Яво.

— Такъ зачѣмъ же ему могила?

— А... стало-быть для маладенца. У яво дочь померла,—такъ ей могила-то.

— А-а! Маленькая дочь-то?

— Маладенецъ. И двухъ годовъ почитай не было. А ты яво видалъ?

— Кого? младенца?

— Нѣту! писаря?

— Писаря видѣлъ. Должно быть онъ на крыльцѣ...

— И то, должно, на крыльцѣ... Прощенья просимъ!—вернулъ онъ головой и пошелъ.

Комната освѣтилась. Изъ перегородки вышла женщина, неся передъ собой свѣчу въ высокомъ подсвѣчникѣ. Свѣча осѣщала ея лицо и полнотную фигуру. Женщина была хороша той поражающей, кидающейся въ глаза красотой, которую видишь иногда на картинахъ итальянской школы, но рѣдко встрѣчаешь въ жизни. Пока она шла отъ перегородки до стола, я усѣлъ разсмотрѣть ее. Это былъ чистѣйшій типъ интеллигентной славянской красоты. Она была немного ниже средняго роста, хорошо сложена, съ высокой грудью и лицомъ 16-ти-лѣтней дѣвушки—нѣжнымъ и дѣтски-выразительнымъ. Большіе темно-синіе глаза, оттѣненные темными бровями и длинными рѣсницами, пугливо-разсѣянно смотрѣли впередъ. Ротъ былъ совсѣмъ дѣтскій—маленькій, съ пухлыми губами. Она, очевидно, недавно плакала. Ея прекрасные глаза распухли около вѣкъ и рѣсницъ, кончикъ носа слегка покраснѣлъ; подъ глазами была синева отъ безсонницы и горя. Темнорусые, глянцовитые, длинные волосы обрамляли блѣдное, печальное личико и рѣзко темнѣли на плечѣ, обнаженномъ спустившейся сорочкой. У ворота сорочки, по видимой начинающимся подыматься грудей, сверкали свѣтлыя капли дождавшихъ слезъ.

Женщина поставила свѣчу на столъ, ни разу не взглянувъ въ мою сторону.

— Одолжите пожалуста воды! обратился я къ ней, привставъ со стула.

— Теперя вода очень мутная,—тихо отвѣчала она, поуборотившись къ перегородкѣ и не глядя на меня. Ея слабый голосъ звучалъ совсѣмъ по-дѣтски, а бѣдное лицо дышало печалью и полнымъ равнодушіемъ къ окружающему.

— Да и ленской воды и не пью. А кипяченой воды у васъ нѣтъ?—холодной, конечно?

— Нѣтъ...нѣту,кажется...Самоваръ рази вамъ?

— Это бы хорошо, если недолго...

— Такъ это вы, господинъ, пожалуйста къ писарю обратитесь! тихо прозвенѣлъ и сжолкъ ея печальный голосъ. По прежнему не глядя на меня, она ушла обратно за перегородку. Она такъ не было. «Должно быть опять плакать», подумалъ я и мѣ стало неловко, что я тревожилъ ее своею просьбой о водѣ.

Я сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Какъ надоѣли мѣ эти станціонныя «комнаты» и какъ онѣ однообразны на Ленѣ! Вдоль грязныхъ известковыхъ стѣнъ, обыкновенно клеенчатые старые, наполненные клопами диваны и непрочно шатающійся столъ, подъ короткую ножку котораго писарь подкладываетъ бумажки. По стѣнамъ—темно-коричневыя черточки отъ раздавленныхъ клоповъ, олеографическія картины изъ событій послѣдней войны—въ этой глуши она до сихъ поръ составляетъ «новость»,—портреты царской фамиліи и незабѣдныя «правила и инструкціи» почтовой гонцы—въ деревянныхъ рамкахъ, подъ стекломъ. Окна низкія, съ мутными стеклами, а на окнахъ кутузятся, незнающіе до низу, занавѣски. Чѣмъ-то нежилымъ, скучнымъ вѣетъ отъ этихъ комнатъ.

Вскорѣ за дверью послышались голоса и шарканье ногъ. Въ комнату одинъ за другимъ по-

---

[1]) Мѣстное названіе медвѣдя.

[2]) Большіе бубенчики, надѣваемые на шею лошади, чтобы звуковъ ихъ пугать зѣбра и не натыкаться на него неожиданно.

Digitized by Google

Digital Library (repository) of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000611911

землѣ, бродятъ на удачу по всему краю, и въ большинствѣ случаевъ, не добившись толку, селятся въ Оренбургской губерніи, гдѣ, вслѣдствіе значительнаго ихъ наплыва, земли уже стали подорожали, такъ что переселенцамъ приходится платить по 5 р. за право основанія усадьбы, не меньше 1 р. за десятину пашни, а цѣна земли какой десятины нерѣдко достигаетъ 25 р. Если же они показываютъ пробыть семьею въ собственность, то должны платить не меньше 20 р. за десятину, что опять рѣдко соотвѣтствуетъ скудным средствамъ переселенцевъ. Крестьянскій банкъ, открывшій отдѣленіе въ Оренбургѣ, пока теперь приносить пользы переселенцамъ, такъ какъ выдача ссудъ сопряжена съ множествомъ формальностей и такою тратою времени, что очень часто крестьяне, не дожидаясь выдачи ссуды, на послѣдніе гроши снимаютъ землю въ аренду, или, что еще хуже, истощаютъ свои средства въ тщетномъ ожиданіи, возвращаются на свѣтъ на родину.

Такъ образомъ, положеніе переселенческаго дѣла почти одинаково въ Сибири, въ Оренбургскомъ краѣ и въ Туркестанской области; вездѣ причиною частыхъ неудачъ, постигающихъ переселенцевъ, является не что иное, какъ отсутствіе правильной организаціи этого важнаго государственнаго дѣла.

Переселенческое дѣло въ Приамурскомъ краѣ постановлено иначе и, конечно, дастъ другіе результаты. Пока переселеніе на дальній востокъ совершалось почти исключительно на счетъ казны, когда переселенцы переѣзжались даромъ и, сейчасъ по прибытіи на мѣсто, получали значительныя пособія и селились въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, порядокъ была страшная, и хотя казна затратила на это дѣло большія суммы, но этотъ способъ переселенія не принесъ ни къ какимъ прочнымъ результатамъ. Теперь система помощи переселенцамъ въ Амурѣ измѣнена: они не только переѣзжаютъ на свой счетъ, но должны нѣтъ средства на первоначальное обзаведеніе и не могутъ разсчитывать на пособіе отъ казны прежде чѣмъ дѣйствительно поселятся и уже будутъ видѣть результаты отъ первыхъ трудовъ. И переселенцы, по всѣмъ свѣдѣніямъ, идутъ успѣшно; не слышно почти никакихъ жалобъ со стороны новыхъ колонистовъ, а между тѣмъ роль казны ограничивается лишь точнымъ указаніемъ мѣстностей, гдѣ есть свободныя земли, а затѣмъ выдачею ссудъ тѣмъ изъ переселенцевъ, которые серьезно принимаются за хлѣбопашество и тѣмъ самымъ гарантируютъ возвращеніе выдаваемыхъ имъ суммъ. Въ противоположность переселенцамъ, которые являются на Амуръ кругосвѣтнымъ путемъ, ссылаютъ поставить крестьянъ, прибывающихъ туда сухопутьемъ, черезъ Сибирь. Многіе изъ нихъ, истощивъ свои средства, не доходятъ до мѣста и остаются въ Сибири; другіе возвращаются на родину; третьи, прибывъ на Амуръ безъ всякихъ средствъ, принуждены нанимаиться въ работники, ради куска хлѣба, и не имѣютъ возможности сдѣлаться самостоятельными хозяевами, и только самое ограниченное число зажиточныхъ крестьянъ поселяетъ въ ту колею, въ которую сразу входятъ прибывшіе корейцы.

Все это ясно свидѣтельствуетъ, что самая несложная организація, даже безъ вдохновленія со стороны казны, сразу можетъ дать лучшее направленіе переселенческому дѣлу и принести пользу, какъ населяемой странѣ, такъ и людямъ, ищущимъ простора для своего личнаго труда. Какъ направить это дѣло въ Сибири, мы говорили уже не одинъ разъ, и повторять то же самое считаемъ излишнимъ. Скажемъ только, что, въ сожалѣніе, нѣкоторыя изъ мѣръ, идущія для упорядоченія движенія переселенцевъ въ Сибирь и для упроченія ихъ осѣдлости на новыхъ мѣстахъ пока не принято, и текущій переселенческій сезонъ завершился въ прежнемъ безпорядкѣ.

6 сентября, состоялось празднованіе 50-лѣтняго ученой дѣятельности академика и профессора Василія Павловича Васильева. Торжество происходило на квартирѣ юбиляра, куда въ второмъ часу дня прибыли: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь Н. Д. Деляновъ, попечитель учебнаго округа Н. П. Новиковъ, ректоръ университета М. Н. Владиславлевъ, многіе изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ академіи Кондратьевъ и др. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра статсъ-секретарь Н. Д. Деляновъ, затѣмъ ректоръ университета обратился къ В. П. Васильеву съ поздравленіями и пожеланіями, и прочелъ постановленіе совѣта университета, которымъ онъ избранъ въ почетные члены. На это привѣтствіе юбиляръ отвѣчалъ небольшою рѣчью, исполненной живой признательности за уваженіе къ его дѣятельности, выраженное совѣтомъ университета. Затѣмъ привѣтствовали юбиляра отъ имени своихъ товарищей, студентъ Далматовъ. Празднованіе юбилея закончилось обѣдомъ въ ресторанѣ Дюрана, устроенномъ товарищами юбиляра. В. П. Васильевъ получилъ огромное количество поздравительныхъ телеграммъ, между прочимъ, изъ Сибири и Кульдзи. Ученикъ юбиляра, русскій консулъ въ Шанхаѣ, г. Дитревскій, прислалъ свою привѣтствіе на шелковой матеріи, съ вытканными на ней золотомъ китайскими стихами.

СИБИРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въ понедѣльникъ, 21 сентября, въ домовой архіерейской церкви преосвященнѣйшій Исаакій совершилъ литургію, по случаю дня своего ангела. Въ церкви присутствовали начальникъ губерніи съ супругою, попечитель учебнаго округа, В. М. Флоровскій, управляющіе контрольною палатою А. Г. Левшинъ, казенною палатою М. А. Гиларовъ, вице-губернаторъ Н. П. Пятуховъ, городской голова Е. И. Коробелъ, воинскій начальникъ Ѳ. А. Наренкій, М. А. Архангельскій и другіе представители администраціи и городского самоуправленія. По правую сторону стояли воспитанники сиротскаго училища, а по лѣвую—ученики воспитанниковъ духовнаго училища и семинаріи. По окончаніи литургіи, преосвященнѣйшій Исаакій, соборне съ городскимъ духовенствомъ, отслужилъ бѣлый молебенъ преподобнымъ Иоанну и Дмитрію, съ совершеніемъ многолѣтія Государю Императору, всему царствующему дому и почитаемому синоду. Въ церкви было довольно много молящихся. Обѣдню преосвященнѣйшій два дня: архіерейскій и семинарскій. За литургіей иеромонахъ Исаакій наградилъ набедренною, окончившій курсъ въ здѣшней семинаріи Трифоновъ, рукоположенъ въ священника, и одинъ семинаристъ, не окончившій курса,—въ діаконы. Затѣмъ, всѣ лично давшіе преосвященному приглашеніе быть въ его домѣ, гдѣ ихъ предложены были чай и закуски. Но все это время мѣсто пѣли концертъ. Инспекторъ семинаріи, игуменъ Агафангелъ, подавалъ преосвященному съ двоихъ его пѣвцы, которые, по Высочайше утвержденномъ проэктѣ, выборъ на мальчиковъ поставили. Ученицы сиротскаго училища подносили свои ручныя работы.

Въ воскресенье, 27 сентября, будетъ праздноваться открытіе безплатной народной библіотеки и освященіе новаго зданія, построеннаго для этой библіотеки почетнымъ Ѳ. С. Валгуевымъ. Мы слышали, что колоколъ при освященіи зданія, въ 12 ч. дня, будетъ звонить, преосвященный Исаакій. Къ этому дню печатается краткій очеркъ возникновенія и развитія дѣла существованія первой въ Россіи народной библіотеки. Къ брошюрѣ будетъ приложенъ портретъ ея строителя. Въ 5 часовъ дня, въ общественномъ собраніи состоится обѣдъ въ честь С. С. Валгуева, по подписѣ.

Намъ передаютъ, что почтосодержатели уклоняются, потому до сихъ поръ не получаютъ они разрѣшенія на выѣздъ изъ пріѣзжающихъ по частнымъ надобностямъ, по тракту въ Ачинскъ, по 13 коп. на версту, согласно Высочайше утвержденному, 15 іюня г. г. мнѣнію государственнаго совѣта распубликованному въ «Томскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» еще 30 іюля.

Многіе изъ членовъ мѣщанскаго общества, желая доставить себѣ и своимъ сожителямъ возможность пріятно провести свободное отъ занятій время, направляются прямо въ городъ. Въ настоящемъ мѣщанскомъ собраніи и нѣтъ съ тѣмъ образовать изъ доходовъ этого клуба и читальни, капиталъ, который, оставшись, послѣ родителей, безъ всякихъ средствъ къ жизни, скитаются по городу, занимаясь собираніемъ милостыни. Около 50 мѣщанъ заявили готовность быть членами этого собранія и просили, какъ мы слышали, старосту общества составить уставъ и ходатайствать объ утвержденіи его.

Благодаря энергіи и настойчивости уважаемаго М. А. Архангельскаго, мы имѣемъ теперь, послѣ многихъ лѣтъ неусыпной грязи, порядочные тротуары, такъ, гдѣ прежде о нихъ не было и помину, какъ, напримѣръ, на Оборотѣ, Болотѣ, на Воскресенской горѣ и т. д. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при устройствѣ тротуаровъ не обратили вниманія на то, неудобство, которое представляетъ ихъ неровность: прошлогоднія доски тротуаровъ, обыкновенно безъ ступеней, подняты такъ высоко, что въ темныя ночи очень легко остушиться и упасть. Кромѣ того, неровность затрудняетъ ходьбу, такъ какъ, чтобы пройти отъ архіерейскаго дома на Пески, прохожій должень сотню разъ подниматься и спускаться. Во всякомъ случаѣ, лучше какіе тротуары, чѣмъ никакіе, или такой, какой имѣется отъ архіерейскаго сада до тротуара театра: здѣсь доски совершенно нетаки, но многихъ мѣстахъ проваливаются и безъ ступеней. Мостовать ихъ нельзя, потому что на другой сторонѣ почти вовсе нѣтъ тротуаровъ.

Въ продолженіе этихъ дней въ городѣ не случилось никакихъ особенныхъ происшествій, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, о которыхъ даже не стоитъ упоминать.

Насъ просятъ напечатать слѣдующее заявленіе: «Въ Томскѣ ходятъ слухи, распространяемые, быть можетъ, лицами, непонимающими стратегаго дѣла, что Русское страховое общество имѣетъ основного капитала только 500,000 рублей. Считаю необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что Русское общество имѣетъ основного капитала 2,500,000; наличный же капиталъ 500,000 р. Ясно, что 2,000,000 рублей находятся мѣсто бумаги въ карманахъ акціонеровъ, готовые всегда быть внесенными. Само дѣло показываетъ, что не было надобности до сихъ поръ, требуя ежегодный сборъ премій до 4.000,000, прибѣгать къ этому выпуску, такъ какъ ежегодный сборъ премій не только удовлетворяетъ нуждамъ общества платить аккуратно пожарные убытки: что всѣмъ извѣстно, но позволяетъ ежегодно отчислять въ запасъ извѣстный капиталъ. Какъ бы ни былъ великъ основной капиталъ общества всякаго рода, но Высочайше утвержденный проэктъ гласитъ, должно быть предусмотрѣно, и я полагаю, что основный капиталъ на этомъ основаніи, находится не въ акціяхъ, котирующихъ на биржѣ, находится не въ акціяхъ, которыхъ акціонеры, совершенно гарантируютъ кліентовъ общества въ уплатѣ пожарныхъ убытковъ, такъ какъ эти послѣдніе уплачиваются не изъ основного капитала. Инспекторъ общества для Сибири. *Н. Малышинскій.*»

Театральная хроника.

22 сентября шла драма въ 5 дѣйствіяхъ П. М. Невѣжина: «Друзья дѣтства»—никогда еще не шедшая на сценѣ Томскаго Театра. Не смотря на зрительная личность, передѣлка съ нѣсколько. Въ анонсѣ о «Друзьяхъ дѣтства» было сказано, что пьеса эта въ послѣднее время не сходитъ съ репертуара московскихъ театровъ». Признаться, сегодня постоянно за ходомъ театральнаго дѣла въ Россіи и интересуясь его судьбами, я читалъ не читалъ, чтобы драма Невѣжина пользовалась выдающимся успѣхомъ; можетъ быть, и какъ-нибудь просмотрѣть отзывы московскихъ рецензентовъ объ успѣхѣ «Друзей дѣтства»—не знаю; но, я сильно сомнѣваюсь, чтобы драма г. Невѣжина на какой-либо сценѣ могла имѣть серьезный успѣхъ. Это—положительно слабая вещь. Первые три акта лишены совершенно сценическихъ достоинствъ, и къ тому же, до-нельзя растянуты. Тонъ, что называется, *бойкенькій*, въ первыхъ двухъ актахъ. Передъ нами идутъ разговоры, иногда положительно не къ чему не ведущіе и Богъ знаетъ для чего вставленные въ пьесу. Зритель, порою, становится просто невѣномъ скучно, его клонитъ ко сну, и онъ думатъ, глядя на исполнителей, только одно: «Господи! да когда же они кончутъ!» Четвертый актъ сконцентрированъ нѣсколько оживленнѣе, но и то въ концѣ; въ началѣ же и въ немъ нѣтъ дѣйствія. Послѣдній актъ сплошаетъ на мелодраму и оскорбляетъ, какъ и почти всѣ, раздираніемъ душу мелодраммъ, классической пальбой и убійствомъ. Но разсказу содержаніе драмы г. Невѣжина. Предъ нами, въ первомъ дѣйствіи, небогато обставленная квартира, въ которой живетъ бѣдный молодой человѣкъ Ѳедоръ Андреевичъ Грядневъ съ женой, тоже бѣдной и, конечно, красивой родственницей (въ какой степени родства онѣ состоитъ—авторъ не объясняетъ) Лизой (безъ отчества и фамиліи). Она она, разумѣется, полны самыхъ высокихъ честныхъ стремленій, мечтаютъ гордомъ, но ни ногу не поступаясь своими убѣжденіями, и ужутъ всѣмъ, какъ говорится, правду-матку въ глаза. Всѣдствіе этого, Грядневъ ни съ кѣмъ не уживается и не можетъ удержаться ни на какомъ мѣстѣ. Въ данное время, онъ безъ службы, кормитъ переводчиковъ уроками и иностранной бумагу; Лиза занимается шитьемъ и, кажется, тоже перебивается. Они живутъ на квартиру, Является къ ними сначала, замѣчаетъ, дочь хозяина дома. Начинаются безконечные разговоры о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Вслѣдъ за дочкой, приходитъ самъ хозяинъ, купецъ Фуфайкинъ, находящійся въ сильномъ градусѣ винныхъ, и тоже, неизвѣстно для чего, за нимъ его жена. Грядневъ выгоняетъ ихъ, а они обѣщаются на него, требуя должные имъ за квартиру 25 р. Въ самый разгаръ превираетельств, влетаетъ къ Грядневу другъ дѣтства, однокашникъ по учебному заведенію, нѣкій Анатолій Григорьевичъ Бурбатскій, который, понятно, и является спасителемъ Грядневъ, прекращаетъ бурную сцену, уговаривая уже нерѣдко съ дерзкаго, жена Грядневъ 25 р. Грядневъ, конечно, берется съ подобающимъ достоинствомъ выбросить въ окошко жена хозяина. Хозяева удаляются, а Бурбатскій начинаетъ съ Грядневымъ и Лизой «чувствительные» разговоры, и, въ заключеніе, обѣщаетъ имъ обѣщаетъ достать жѣста. Лиза сначала отказывается и произноситъ жалкое нѣсколько «возвышенныя» фразы о любви и независимости и о нежеланіи кому-либо принадлежать и быть кому-либо обязанной. Бурбатскій уходитъ, а Грядневъ... объясняется въ любви Лизѣ! Та отвѣчаетъ, что и она любитъ его, но какъ друга, какъ родственника; однако, позволяетъ ему «ждать и надѣяться». Занавѣсъ падаетъ.

Вотъ первый актъ—все устроивается благополучно: Лиза уже помышляетъ у сѣтей жениха богатой вдовы Герстаковой, невѣсты Бурбатскаго, а жить въ ея домѣ. На сцену появляется «очень богатый» купчикъ Ветчинкинъ и «знатнѣйшее лицо въ коммерческомъ мірѣ» Струкинъ. Послѣдній по просьбѣ Бурбатскаго даетъ мѣсто Грядневу, куда-то въ отъѣздъ. Грядневъ его принимаетъ, по предварительно, къ объясненію съ Струкинымъ, говоритъ ему разныя рѣзкости и почти ругаетъ его. Сцена изображаетъ большую комнату. Въ одно время на всѣхъ ея концахъ идутъ разговоры: слѣпая мать Герстаковой говоритъ съ Ветчинкинымъ, съ Герстаковой съ Струкинымъ, съ Бурбатскимъ и т. д. Публика въ недоумѣніи и не знаетъ, на кого изъ нихъ обратить. Въ третьемъ актѣ, вдова Герстакова начинаетъ страдать, убѣждаясь, что Бурбатскій разбойникъ и и стаскиваетъ у нѣкоторыхъ въ Лизѣ. Въ Лизу же влюбляется и Ветчинкинъ и дѣлаетъ ей предложеніе. Та отказываетъ. Въ происшествіи между всѣмъ этимъ, идутъ, опять-таки, разговоры. Герстакова объясняется съ матерью, затѣмъ съ Бурбатскимъ, который сердится на нее, называетъ ее капризной, но уѣзжаетъ, что онъ, по прежнему, ее любитъ. Въ этомъ же дѣйствіи появляется на сценѣ, уже положительно пьяный Грядневъ, наконецъ, съ Герстаковой и дочь прежняго хозяина Лиза, Фуфайкина. Въ концѣ концовъ

---

*) Обычай въ сибирскихъ домахъ, вообще свободнѣе въ разнообразности, чѣмъ въ нашихъ домской позиціи (какъ-нибудь и т. чинахъ), при отъѣздѣ изъ въ дорогу.

хрость (онъ однако же не крестился)! Потому жисть тоже весьма дорога!

—А кабака у насъ въ деревнѣ нѣтъ? — повинный тонокъ спросилъ я.

—Кабака?.. Кабака у насъ, милостивецъ, нѣту.

И онъ уставился на меня своими осоловѣлыми глазами.

—Ну, можетъ, скажда, или не торгуетъ за у васъ кто-нибудь.

—А тебѣ зачѣмъ?—какимъ-то встерожнимъ тономъ спросилъ рыжій.

—Я бы съ вашимъ послалъ. Я знаю, братцы, что у васъ есть ихъ дорогѣ. Вѣдь можетъ быть, что лучше насъ проститъ для старыхъ вашихъ, чѣмъ у насъ прозвиться, — вонъ у нѣтъ и на кабакѣ, какъ просвѣтливаетъ ихъ фонтоновъ, расплывшись въ довольная улыбка. Перспектива дорогой выпивки была въ отрадна. Они загалдѣли совсѣмъ «по дружескаго».

—Это конечно! У насъ у самихъ тарѣ выпьютъ... Все дорого... Оно, конечно, постигнуть бы какъ по дѣлу костюмчикъ на брата; такъ мы бы тебя, какъ ни на есть, и солавили-бы

—Ладно! Только выручите—не пустой.

Они перегадывались съ подозрѣнной радостью школьниковъ, которымъ учитель прощаетъ невыученный урокъ и обѣщаетъ свободу и гулянье. На лицѣ рыжаго была написана радость и сдержанное самодовольство.

—Да уже мы выручимъ, не сумѣнайся. Одно слово—вірокъ!. То есть—во какъ! раздавались голоса.

—А самъ-отъ пьешь?—спросилъ меня рыжій, съ той же натальной улыбкой.

—За компанію выпью. А далѣе за знакомство послѣ?

—Одинадцать вертъ. Тоже вертъ.

—Чаво «одинадцать»?—тонкимъ говорливаго сосѣда.—Коуляно отцедомъ! Не считаютъ, а до его много-то съ верстъ по дѣлуемъ! Спитай, и всѣ 16 будутъ.

—Полочка какъ!—вмѣшался третій.—У Макарихи, поди, есть: вчера поставили.

—Забрало! сказъ у Макарихи-то!—сдѣла заскалилась передняя.—Нѣтъ, милостивецъ,—обратился онъ опять ко мнѣ,—на вино мы не дошлуйдуемъ потакай, а вишь какъ не рѣшай; теперь поговори, а завтра съ Господомъ и поѣзжай! А теперь пожалѣй деревню!

—Это вѣрно! Теперь бы въ заводъ—самое дѣло!—раздались голоса.

—Теперь пропусти, такъ нескоро вернешь!

—Въ чемъ же дѣло?—недоумѣвалъ я. Я видѣлъ, что помимо кабака, что-то удерживало меня въ лапахъ крестьянства. Рѣчь, сказанная старикомъ, была повидимому, искренней. Но вопросъ мой раздалось-бы общее гладѣніе и пререканіе одного съ другимъ, но я повторилъ старика говорить одному. Это ему видимо понравилось.

Видишь ли милостивецъ,—заговорилъ онъ, смотря на меня своими зорными блестящими глазками,—теперя Лена-катушка вскрылась, намъ пищію Господь посылаетъ, а они стало-быть о грѣхѣ заботятся! Теперя съ волитоей, благополаясь, поводить надо, а они кабацкими дѣлами занимаются. Теперь рыба кодко пошла! по заливамъ-то ее и ловя! А упустишь время и въ недѣлю того не заловишь. Ой, тоже тебя и прошу! Цѣлуй-то у насъ хорошій только одинъ—вѣдь нельзя-то, скаемаю, сносця къ Макарихѣ!—Такъ-то, милостивецъ, и я-то черезъ дѣлы. И сколько отъ подъ тебя сегодня у насъ приходится. А онъ у насъ первый на деревнѣ заводчикъ. Опять-же и народу надо. Ты то сообрази—тебѣ одну ночь не Богъ знаетъ что переждать, а теперь это сколько народу напитаешь? Господь тебя наградитъ... Я прать не стану, а для ихъ-же говорить хачу. У меня на себя приносимо! А ихъ жалѣю,—деревню! Свидуйся не надъ ними, а надъ дѣтьми вашими...надъ кладѣнцами!

Я рѣшительно ждѣ въ нѣмѣ. Тепла, такъ, клавшаяся гоже, Клавшая и рыжій мужикъ. Я былъ совершенно обезоруженъ, но меня повторѣло при мысли, что я это можетъ быть тоже ложью, но только лучше, изящнѣе, романтичнѣе.

—Да вадемъ!—вскрикнулъ я наконецъ.—Спасибо милостивецъ!—загудѣли всѣ.—Да

—Старикъ, заявивъ большой усѣхъ своего краснорѣчія, сталъ, было, опять кернить въ. Но тогда уже не слушала, видимо отвлеченная другихъ настроеніемъ. Старикъ простился со мной тономъ дѣльца, еще разъ повѣдавшаго мнѣ «за добродѣтелъ» и юрко засѣменилъ назадъ. Сгорбленный и клавшійся, прошелъ онъ черезъ толпу и быстро юркнулъ въ дверь.

Я теперь за писаремъ сходу, а вы подуйте-ка здѣсь!—бросалъ онъ мужикамъ.

—Вотъ что, братцы,—заговорилъ я—тамъ завтра я ѣду, а?

—Не сумѣнайся! Увезетъ. Вѣдь съ крестъ-то!

—Завтра же раньше-то прали? Такъ бы молодецки и говорили,—горячилъ я имъ.

Они розгадывали лукаво-смущенно, точно вовлекшіе въ шалость ребята.

—Такъ мы разе твой характеръ знаемъ? Господа... сирота наръ... особенно. А теперь благодарю, а на тоже добродѣтелъ отъ сердца!..

Голоса звучали искренно. Въ глазахъ засвѣтилось добрее, оживленнѣе чувство.

—Ну, ладно. Очень радъ. В какъ благодаря, что обѣщаетесь везти завтра. А поѣдетъ у васъ чего найдется?

—Найдемъ, не сумѣнайся! Много ли тебѣ надоть-то? Больше себя не съѣшь. Дарожъ тебя облагодарюмъ, еще и на дорогу дадимъ! Во какъ мы!

—Завтрь же здоровъ? А виолачу, что слѣдуетъ. Молока у васъ найдется?

—Найдемъ!

—Молока-то нѣмто кислаго, простокваша по-нашему,—тонкой фистулой вставалъ сутулящій, низенькій мужикъ, по виду жалкій, забитый мужичонка.

—Нѣтъ, кислаго не хотѣлось бы! А просто молока? спросилъ.

—Просто,—бабы поди не послухаютъ!—почесался мужичонко.

—Чаво не послухаютъ? А за полосницу ихъ полая?—обрезалъ его другой.

—Кляну, братцы, протину бабы не готовать,—хвыкнулся рыжій.

Мужицкаго съѣзжался. Зобатый парень разсѣрдился, а за нимъ и другіе.

—Коли нельзя!—обойдутся безъ молока, а съ бабами не сорвутся!—сказалъ я.

—Чаво нельзя? найдемъ! Вѣдомой глупости такъ тебѣ разнаго не найтесь,—заговорилъ рыжій.—А только хлѣбъ у насъ не вышшо—вышшо-то! Ты, поди, хлѣбъ-то ѣстъ?

—Тѣмъ. Самоваръ у насъ достать можно?

—Можно,—отвѣчалъ рыжій. Онъ хотя и держался въ умѣсонѣ съ другими, но и замѣтилъ, что его сдѣлойнѣе, какъ можно, было уравнено рѣчью старика и отодвинутъ его личности на задній планъ.

—Слышь, Оня?—крикнулъ онъ, обращаясь къ перегородкѣ.

III.

Я догадался, что плаканная женщина называлась Оней, и остановилъ рыжаго.

—Нѣтъ, братъ, оставь ее. Не тревожь. Пользы-ли обойтись какъ безъ нея? Она, кажется, больна...—вмѣшался сказалъ я ему.

Мужики посмотрѣли на меня съ недоумѣніемъ. Рыжій отворчѣлъ.

—Ну, ладно больно. Нѣдто я Паланьѣ у своей убоялся? Такъ это пустое. Пойстомъ бы

—Положимъ такъ, согласился я,—но всетаки лучше ея не тревожить.

—А безъ ей какъ мы будемъ оруговать? Она хозяйка. Мы чаво зацѣдемъ дѣлать?—обратился онъ къ товарищамъ.

Тѣ молчали.

—Да она и не больна—такъ, дурости ея ей

---

*) Хлѣбъ—въ сибирскомъ краѣ—всевышнее значеніе. Онъ сбрасе имѣетъ, довольно вкусенъ, но съ колосьями, попадающимся при ѣдѣ въ небо и десны.

благородной жаго. Нашъ отъ ее одна вреда про исходитъ...

—Въ чемъ же это?—спросилъ я.

—А, напримѣръ, въ характерѣ: соблюдетъ себя очень. Ну, дѣ нашъ супроти господъ гордиться?. Иной господинъ прѣзжаетъ—въ чинахъ напримѣръ. Онъ ей антирусется... Остается на чемъ и нашъ не нечолитъ и платитъ хорошо Нашъ съ этого пользы, или нѣтъ? Зачѣмъ ей съ ней по-благородному говорить... нее такое... будто и ей сулитъ. А она противу его рѣчей въ слезы. Теперь, недавно, вотъ изъ Иустскова предсѣдатель прѣзжалъ, въ большихъ чинахъ. Строгій—не зрѣ. Такъ, предсѣдатель нашъ до границы его провожалъ. Поместь ему большой. Ну, у насъ сейчасъ говорятъ: «какъ ей!»Жаль ему. Онъ, бѣдное, ужъ и собрался, да ее тѣмъ часомъ и учадѣлъ! «Усталъ!» говоритъ.—Мужики засмѣялись.—Да. Прикладъ онъ опять самаго согрѣтъ, да Ѳедосью позвалъ. А она не идетъ. Самъ заслѣдтель нашъ порѣшетъ, а вы ее никакъ не уговорите. Ну, предсѣдатель-то и осерчалъ: подумалъ, что мы ее ему не даемъ. Мы, сыны, ее тащитъ, а она въ тайгу—да такъ до вечера и пробыла, пока не уѣхалъ. А какъ черезъ это что опосля было? Сирося-на-на вонъ у яно—онъ указалъ на забѣгалго парня,—какова ему пришлось. Заслѣдатель ему самъ перва по ту дамашнѣ, а опосля предсѣдательскую кубыру прикладъ:—«ей дно!» Такъ онъ рядоть до того стакна и клалъ. А чево это? Чево ей? Ну, да опосля и ей тоже рядно было: какъ изъ тайги-то пришла... Дѣлай Мировичъ—мужъ-отъ ее, писарь нашъ—ключу ей какъ хорошую!

—Мужъ? неужели?—вырвалось у меня.

—Да гдѣ же это я?—кричалъ я.—Мнѣ прошлось бѣгдное, печальное лицо Оени, прошлось, какъ она, держа подсѣдчикъ своими бѣлыми, точно выточенными, руками, отворачивалась, не глядѣла на меня. Она, вѣроятно, и на нѣй прозрѣвала предсѣдательскія поцѣлованье-

—Ну, какъ же ты думаешь: справедливы вы въ ней?—спросилъ я рыжаго и другихъ.

—Мы-то? Гм... чудной-то!—начало засѣдѣлся одинъ.—А на нашъ и другіе.—Здѣсь, вѣдь, отъ, или такъ какъ по-тому, соблюдать не приходится. Мы стало-быть не одни, и во всей Дѣлѣ это самое заведеніе. Не хуже ее бабы, а господъ почитаютъ. Опять же мы что ей дѣлаемъ? Пущай она такъ съ ними наѣдиной,—какъ сама знаетъ,—законъ нарушитъ, или не нарушитъ... да дѣ уже не нарушитъ! У насъ, братъ, бабы для господъ знаесгмъ! *) А только что

*) Обычай въ сибирскихъ домахъ, вообще свободнѣе въ разнообразности, Чиновникамъ домской позиціи (какъ-нибудь и т. чинахъ), при отъѣздѣ изъ въ дорогу

Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

Курбатскій остается одинъ съ Лизой и объясняется ей въ любви. Лиза надаетъ къ нему въ объятія. Сергей эту застаетъ. Горностаева, истерична, хочетъ и тоже падаетъ, но въ обморокъ. Въ четвертомъ актѣ, Лиза живетъ съ Курбатскимъ въ гражданскомъ бракѣ и успѣла уже ему порядкомъ надѣсть, потому что постоянно кричитъ и вчитъ его своими подозрѣніями. Квартира у Курбатскаго въ домѣ того же дуэлянта. Жена Фуфайкина заходитъ къ Лизѣ, чтобы сказать ей нѣсколько колкихъ, оскорбительныхъ словъ и удаляется. Курбатскій настаиваетъ, чтобы Лиза бѣжала съ нимъ на какой-то пиджикъ, спрятанный въ Струпцахъ и Ветчинниковъ. Она не хочетъ и уходитъ къ себѣ въ комнату. Въ это время лакей докладываетъ ему, что пріѣхала сестра къ Горностаевой. Онъ принимаетъ ее. Старуха повѣствуетъ ему о страданіяхъ дочери, чахнущей какъ воскъ; отъ нервнаго Курбатскаго, и проситъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нимъ. Курбатскій даетъ слово. Сергей, пріѣхавшій Струпцамъ и Ветчинникамъ. Лиза, убѣжденная Курбатскимъ, выходитъ на сцену и обѣщаляетъ, что «она ѣдетъ съ нимъ». Начинаютъ пить для чего-то шампанское; съ Лизой дѣлается дурно. Поэтъ Курбатскаго расходится, при чемъ Ветчинниковъ объясняетъ ему, что онъ къ нимъ больше не хочетъ быть знакомымъ за поступокъ его съ Лизой, которую продолжаетъ обожать. Затѣмъ и Курбатскій, не смотря на просьбы остается дома пришедшей въ чувство Лизы, уѣзжаетъ къ Горностаевой. Является Гриднева, вмѣшенный Ветчинниковъ и всѣмъ случившимся безъ него съ Лизой. Начинается жуительная, но нетонкая, сцена объясненія Гриднева съ Лизой. Гриднева грозитъ отомстить Курбатскому. Въ послѣднемъ дѣйствіи мѣсть эта совершается: Гриднева вызвалъ Курбатскаго на дуэль. Перед нами полянка, кругомъ лѣсъ, идетъ дорога и березовый столбъ. Приходитъ Гриднева со своимъ секундантомъ. Пьютъ коньякъ и бесѣдуютъ о сестрѣ ирской. Потомъ прячутся за деревья; приходитъ Курбатскій, подкрадывается подъ руку Струпанькинъ, который приглашаетъ въ секунданты Курбатскаго. Ихъ разговоръ съ братомъ ужасаетъ, что и дуэли нѣтъ и Горностаевой, и Лизѣ. Послѣдняя тоже должна пріѣхать, чтобъ вмѣстѣ съ Горностаевой разстроить дуэль. Наконецъ, пріѣзжаетъ и Курбатскій. Горностаева упрашиваетъ его отказаться отъ дуэли, чтобъ отворотить всякую мѣсть обѣ отказѣ. Изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ Гриднева съ Ветчинниковъ. Секунданты отмѣриваютъ шаги. Гриднева не соглашается ничаю стрѣляться, какъ на разстояніи не мельнѣйшаго шага. Отказываются всѣ на мѣста, но Курбатскій отказывается взять револьверъ и требуетъ чтобъ Гриднева стрѣлялъ въ него безоружнаго. Гриднева убѣждаетъ его этой револьвер. Студенты, называя комедіантомъ, и т. д. Къ Гридневу бросается въ это время только что пріѣхавшая Лиза и требуетъ прекращенія дуэли.

— Дуэлью, говоритъ она, нельзя смыть то, что сдѣлалъ Курбатскій! Не дуэлью мстятъ бѣдѣ уничтоженія и забвѣтъ я страданія, которыя она нанесла, и т. д., и этого родѣ.

Но тутъ, въ свою очередь, стрѣляетъ револьверъ Курбатскій и заявляетъ, что теперь уже онъ не хочетъ прекращенія дуэли. Навѣдаетъ револьверъ на Гриднева, тотъ на него, раздается выстрѣлъ, и Курбатскій падаетъ, убитый на полѣ. Общее смятеніе. Гриднева (г. Сальвиаго), истерика у Лизы, направленная на трупу Курбатскаго; и тутъ занавѣсъ.

Изъ исполнителей, героемъ вечера былъ г. Крылов, игравшій богатаго купчика Ветчинника. Онъ создалъ положительно типическую личность и выдержалъ роль свою до конца, проводя всѣ свои ея оттѣнки осмѣливостью, естественностью и вызывая рукоплесканія публики. Предъ нами было живое лицо, такое исполненіе роли Ветчинника было бы достойнымъ на любой сценѣ.

Г-жа Строгова—богатая вдова Горностаева—провела свою роль рѣзко, опредѣленно и была очень хороша во второмъ актѣ, въ томъ мѣстѣ, когда она застаетъ Курбатскаго и Лизу объясняющихся въ любви. Смѣхъ ея, при видѣ измѣны обожаемаго ею человѣка, былъ неподдѣльно-естественнымъ.

— Нашемъ былъ смѣхъ сильно сдѣлан, истерическій, сумасшедшій, въ которомъ слышались и

ъ ей дурости нѣмъ вреды не было. Пудой бы ъ съ нимъ и разговоръ вела сама, чтобы нѣмъ ись поскучно не было... А то, вишь...

Вдругъ всѣ повернулись и ораторъ осѣкся. У ери, присѣвшись къ перегородкѣ, стояла Оеня.

— Я дура — а ты убійца! — звонкимъ грудным голосомъ бросила она рыжому.

Она стояла, прислонившись къ перегородкѣ и ета на грудь руки. Ея глаза горѣли ненавис- Но плечамъ пробѣгала судорога волненія; — губкамъ — улыбка презрѣнія, глубокаго презрѣнія.

— А ты убійца! — повторила она. — Ты лучше оставь меня, Василій! То зависѣлъ мнѣ отъ прожившимъ волосець, зависѣлъ у нить довѣть повинѣмъ! ты въ жизнь пакостать первый на нѣвало—все зверѣ тебѣ!. Я тебя умоляю: ты меня бойся! Я рвя не знаю, пошто у тебя жена чиколая померла?.. Я тебѣ, душегубъ, мѣсту укажу!

Василій побѣлѣлъ и сѣшился. Мужики съ удивленіемъ смотрѣли на Оеню. Давнѣхъ и я ей не было и сидѣя вражеской горькой печали и тихаго отчаянія.

— Ты чего плетешь-то? — вырвалось у Василія.—Мотри, Оедосья, да эки рѣчи...

Оеня звонко-пѣвительно засвѣкала, слегка кивая головой. Густая темная прядь волосъ ускалась головы на руки. Она отжимала волосы за спину, трацкуя грудью, и стояла въ прежней позѣ. Зобатый парень пожиралъ ее глазами.

— Чаво «хотра»? Бать, что-ли-та, будешь?— пытывающе спѣлась, съ горящими глазами, подняла она гордо свое бѣлѣное лицо.

Василій нѣсколько оправился. Въ глазахъ его засвѣтилась дикая, прикинженная злоба. Большія руки въ рыжихъ волосахъ сжимались въ кулаки.

— Знамо, бить тебя слѣдовалъ, непонимаемую хуру! Я тобѣ что сдѣлалъ? чего на меня напалъ?! Ты баба, дая начальникъ какой—эки рѣчи пускаешь!

— Надъ душегубомъ легко начальникомъ быть! Я еще разъ-то сплоту? да уже не тобѣ!.. А вотъ ты тоды расплесть съумѣя!—рѣзко отсѣкалила Оеня, вперивъ въ Василія свои блестящія глаза.

Я видѣлъ, какъ онъ опять сѣшался. Оеня видимо парализовала волю этого неуклюжаго, рослаго человѣка своими глазами, своей рѣчью.

— Вы за что на меня всѣ ополтаи? чего я вамъ дѣлаю? Нѣтъ, по-нашему николи не будетъ, звонкѣй ея голосъ, и бѣлѣдное лицо дышало непримѣнной ненавистью.— Не стану я съ вами за одно пасхуриться, да въ

вѣ, приводѣ молодыхъ бѣдъ, вѣрѣйко бесъ согласія въ сваитъ, но съ нелюбимъ мужемъ, сжеромъ, срамъ-

жгучія рыданія, и боль сердца, и печаль по разбитымъ надеждамъ...

О г-жѣ Вронской долженъ сказать то же, что и въ прошлой моей рецензіи,—что она настоящая «маленькая». Правда, въ этотъ разъ она не была столь безобразно тривиальна, какъ въ «Злой дѣвѣ», у ней даже появился голосъ, ибо она перестала глотать слова и произносила монологъ довольно ясно и отчетливо; но жизни, естественности, чувства не было на сценѣ. Ни въ одномъ жестѣ она не повторилась надъ уровнемъ самой ординарной посредственности и была потому совершенно заблуждаемому, обѣсѣмо произнесшу ея сцене, чѣмъ на профессіональную артистку. Всѣ патетическія мѣста были положительно провалены.

Въ этомъ не только совершилъ съ ней, но даже превзошелъ ее г. Селиванонъ. Онъ прежде, роль Гриднева положительно хуже всѣхъ ролей, ранѣе исполненныхъ имъ въ первыхъ трехъ спектакляхъ. Порою, онъ даже казался новичкомъ на сценѣ. Трудно было играть, что это—опытный актеръ, не мало уже послужившій на сценическомъ поприщѣ. Въ послѣднемъ актѣ, который, всетаки, у него прошелъ лучше другихъ, онъ невѣрностно тонирилъ руки и точно разучился ходить и держаться на сценѣ. Но хуже всего сошелъ третій актъ: уходя отъ Лизы, чтобъ дуэлировать, онъ не сумѣлъ отъ нея отдѣлаться, г. Селиванонъ подцѣпилъ ея руки Струпанькинъ, который приглашаетъ въ секунданты Курбатскаго. Изъ разговоръ съ братомъ ужасаетъ, что и дуэли нѣтъ и Горностаевой, и Лизѣ. Послѣдняя тоже должна пріѣхать, чтобъ вмѣстѣ съ Горностаевой разстроить дуэль. Наконецъ, пріѣзжаетъ и Курбатскій. Горностаева упрашиваетъ его отказаться отъ дуэли,—хотѣ отворотить всякую мѣсть обѣ отказѣ. Изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ Гриднева съ Ветчинникомъ. Секунданты отмѣриваютъ шаги. Гриднева не соглашается ничаю стрѣляться, какъ на разстояніи не мельнѣйшаго шага. Отказываются всѣ на мѣста, но Курбатскій отказывается взять револьверъ и требуетъ чтобъ Гриднева стрѣлялъ въ него безоружнаго. Гриднева убѣждаетъ его этой револьвер. Студенты, называя комедіантомъ, и т. д. Къ Гридневу бросается въ это время только что пріѣхавшая Лиза и требуетъ прекращенія дуэли.

— Дуэлью, говоритъ она, нельзя смыть то, что сдѣлалъ Курбатскій! Не дуэлью мстятъ бѣдѣ уничтоженія и забвѣтъ я страданія, которыя она нанесла, и т. д., и этого родѣ.

Но тутъ, въ свою очередь, стрѣляетъ револьверъ Курбатскій и заявляетъ, что теперь уже онъ не хочетъ прекращенія дуэли. Навѣдаетъ револьверъ на Гриднева, тотъ на него, раздается выстрѣлъ, и Курбатскій падаетъ, убитый на полѣ. Общее смятеніе. Гриднева (г. Сальвиаго), истерика у Лизы, направленная на трупу Курбатскаго; и тутъ занавѣсъ.

Изъ исполнителей, героемъ вечера былъ г. Крылов, игравшій богатаго купчика Ветчинника. Онъ создалъ положительно типическую личность и выдержалъ роль свою до конца, проводя всѣ свои ея оттѣнки осмѣливостью, естественностью и вызывая рукоплесканія публики. Предъ нами было живое лицо, такое исполненіе роли Ветчинника было бы достойнымъ на любой сценѣ.

Г-жа Строгова—богатая вдова Горностаева—провела свою роль рѣзко, опредѣленно и была очень хороша во второмъ актѣ, въ томъ мѣстѣ, когда она застаетъ Курбатскаго и Лизу объясняющихся въ любви. Смѣхъ ея, при видѣ измѣны обожаемаго ею человѣка, былъ неподдѣльно-естественнымъ.

— Нашемъ былъ смѣхъ сильно сдѣлан, истерическій, сумасшедшій, въ которомъ слышались и

профѣжающимъ подобнаться! А станете меня тревожить, мучать да бить—я одна, на сценѣ вотъ, а въ Якутской доѣзжу и все губернатору доложу! Это вѣдь не нашъ засѣдатель-дѣвяношка, губернаторъ-то! Онъ мо суда сдѣлай выдастъ! Я много отъ васъ муки приняла, все перенесла... не для себя... для Иванькѣ (въ голосѣ ея звучали подавленныя рыданія) ну, а теперь не для кого мнѣ мучаться! Уйду отъ васъ—всѣмъ вамъ судъ найду.

Въ этомъ слабомъ, нѣжномъ созданіи звучала и чувствовалась рѣшимость и твердая, непреклонная воля. Василій и прятуры, улыбаясь, по всѣ сѣдящій, сѣлъ на скамью у двери. Онъ видѣтно старался быть непринужденнымъ и вообще дѣлать тонъ компаніи.

— Аежели тебя губернаторъ послушаетъ — ты къ намъ дѣвка, въ засѣдатели иди, потому какъ ты рѣшистая, въ самой разъ! Онъ, увидѣвъ гладѣть на товарищей. Два мужика, нерѣшительно посмотрѣвъ на меня, сѣли къ Василію съ нимъ еще одинъ.

— Теперь,—продолжала Оеня, не обративъ вниманія на неуклюжую остроту Василія и указавъ глазами на меня,—пошто господина не всѣтте? Изъ-за своей волюсти! Вѣдь рѣчка-то все одно и завтра черезъѣхать надо, а зверь рыки отъ мирущовъ не уйдетъ! И старикъ тоже... Нѣтъ, хитрый онъ, какія рѣчи разводитъ! рыболовъ какой отъ какъ!

Она презрительно засѣмѣлась и жгучо отсѣчерулась. Она все болѣе и болѣе интересовала меня своими пылкими рѣчами. «Сталъ-быть и старикъ—дрянь?» думалось мнѣ.

— А что эхъ такое старикъ схитрилъ?—обратился я къ Оенѣ.

— А старикъ, господинъ, нѣтъ всѣхъ умнѣе будетъ,—презрительно сѣлась, отвѣчала она. Онъ все говоритъ по писанію, по-божественному, а тамъ по-кабацкому. Прежде-то онъ лавкамъ держалъ, да всѣ пятнитъ. А человѣкъ онъ хоть и самъ нечистъ, строгій: все любитъ по божественному людей обличать. Ну, и доказали ему, что онъ засѣдатель, а тотъ, вно и накрылъ. Чрезъ это и разговорился: продувалъ. А теперь на вно вѣсто Макарина назначенъ, вотъ и выходитъ старика-то, да и засѣдателю помогаетъ всякаго вно бабьимъ пакостятъ. Ишь ты, какъ у насъ все жоко хорошо слѣдается! Ну, старикъ-отъ Макарину и во любитъ, а по правдѣ-то—и самъ такой-же. Да и хитрый, сидѣнь! Теперь случай дальше. Собираетъ онъ отъ насъ рыбу ловить. Это, точно, полезно—только не для нихъ, а для ино самаго! Они у насъ въ долу лавседы. А онъ съ ихъ потомъ съ волитной да большими словами и деретъ втрое! Теперь кользю рыбы за почъ надлонитъ—вся, почитай, ему и уйдетъ. А старикъ-

отъ вишь что тебѣ сказъ: наитай народъ для владѣнцевъ! И дѣ вно и владѣнцамъ думать!— со злобнымъ горемъ воскрикнула Оеня.—Да они, кромѣ наконстеи, за винища проклятаго, и не знаютъ ничего, человѣны желтоватые *).

— Ты слышь, Оедосья, чаво ругаешься? что больно волнуешься? Инъ, сельные отродье, вареничка хуроставая: чуромо пробѣгуютъ одного изъ стоимости мужиковъ.

Оеня не обратила внимания на эти слова. Но я ихъ запомнилъ.

— Я за ту-то и нить собственно сердцо—за тебя. Пущай они себѣ насудятся! Что ихъ мнѣ косчусь! Такъ нѣтъ—я съ ними за одно будъ! Вотъ про предсѣдателя ты сказъ слышалъ? Ну, разя это—законъ? Да и на это ни въ жисть не согласна!—съ горячинъ негодованіемъ сказала она.—Аи вдѣть теперя съ Мачи**) приѣзжаютъ, разсчитываюсь. Съ деньгами, знамо, вдѣть. Такъ его на Леня безпрѣмѣно обернуть. Коли ежели молодой—бабой его принимать, наонъ вашщемъ съ дурманомъ да и обернулъ!.. а то и къ Лену сарювадуть! Вона тутъ зна дѣла! Ко мнѣ вотъ съ эстимъ-же приставъ: иди! онъ денегъ будетъ сулить, а ты и на насъ проси! Тебѣ! вно, что у нихъ на уѣзѣ! Такъ вотъ и жизнь съ этими людьми! Ну, а молодой прожжавшій, коли пристаетъ самъ—видитъ, что ему заступаться, а еще понужаетъ къ ему,—такъ тотъ жъ тайги не выходи, пока не уйдетъ.

— А молодой-отъ чѣмъ тебѣ нелюбъ? Андрюсъ писаря такъ сказывалъ, какъ пьяный былъ: я, говоритъ, скоро годъ, какъ съ ей грѣха не имѣю, старѣ стаполюсь, не антирпрусья ей,— сказалъ одинъ изъ мущиновъ.

— То-то она и лютая! Безъ мужика-то ей видно трудно: баба молодая!—дерзко засмѣялся Василій.

Другіе тоже сѣлались, видимо одобрительно. Бѣлѣдныя щеки Оеня вспыхнули. Рѣзкимъ гнѣвомъ студа залилъ ей лицо и шею. Острая внутренняя боль отразилась на ея лицѣ. Было видно, что враги нагло осѣкнуютъ ея случайно упавшую, мучительную тайну. Здорадствовавъ всѣхъ болѣе, конечно, Василій.

— А Палавьла-то ея, поди, не отъ писаря была?.. Пра, пара! Да къ чаю ему!

Оеня вздрогнула и сѣдлала движеніе, точно хотѣла сѣкатися за бокъ, чтобъ удержать крикъ боли и злобы. Она смертельно побѣлѣла. Я

*) Такъ называютъ въ шутку сибирскихъ крестьянъ европейскіе русскіе и поселенцы.

**) Отъ рѣчки Мачи. Центръ золотопромышленности въ Олекминскомъ округѣ Якутской области. Это—средоточіе учрежденій, т. е. административныя и коммерческіе пункты золотопромышленныхъ компаній.

ному названію—кордонъ, но на этотъ расходъ были обнаружены суммы, раздѣленныя между волостями при дѣленіи послѣднихъ. Матовскіе крестьяне ходатайствовали уже о причисленіи ихъ къ Бѣльску, но успѣха пока не достигли. Хорошенько сообразить раньше было некогда: раздѣленіе волостей вообще рѣшалось на волостныхъ сходахъ торопливо, тогда какъ надо было дать достаточно времени крестьянамъ пообсудить первоначально на сельскихъ сходахъ, куда сидручные будетъ ихъ причисляться и тогда уже рѣшать вопросъ на волостныхъ сходахъ; если случилось это тогда, то теперь взялъ выяснить весь убостно или же обнаружилось принадлежности селеній къ той, или другой волости, сѣдовало бы, безъ особенныхъ стѣсненій, допустить перечисленіе селеній къ набирающимъ ихъ волостямъ, хотя бы въ годичный срокъ. Случаевъ, подобныхъ описанному найдется не одинъ, потому мы и распространились по этому предмету.

Главнѣйшее занятіе жителей составляетъ земледѣліе, которое развито въ достаточной мѣрѣ, хотя недостаетъ, какъ и вездѣ въ Сибири, первобытныхъ способовъ. Почва земли довольно производительна и самая мѣстность удобна для увеличенія числа пашенъ; разводятся здѣсь и всѣ культурныя растенія, свойственныя Иркутской губерніи. Скотоводство также занимаетъ большое мѣсто, отгушенная гостьми и всевозможными поселенцами, была раскрыта до слезъ. Такъ барнаульцы зависѣли въ свой винегрэтъ золотое яйцо, подаренное благодѣтельной рукой патріотовъ. Домъ, подаренный Е. И. вскорѣ поступилъ въ службу по назначенію, украсился приличной вывѣской, но,—чудо! нашѣлся подвалъ у другого дома, а ототь опустѣлъ! Вопросъ: какъ, и почему? Отвѣтъ: *Общество отъ дара отказалось*: домъ дорогой, нужно закрѣпить, страховать, ремонтировать, потребуется большія деньги. Обрадовались наши дуэлянты, получали, да и вернулись: нѣтъ, матушка К. И., не надо нашего дорогаго подарка!

Что же это такое? Въ одномъ случаѣ присвоиваютъ мнѣ чужое, а здѣсь отдаютъ свое, общественное.

Къ чему писать законы, когда не исполняютъ ихъ—отъ вѣфоразъ въ нашемъ городѣ имѣетъ крѣпкіе устои. Дуэлъ, по требованію высшей власти истребляютъ собакъ *кровной мерзости*, за оскорбленіе властвъ,—безъ суда и слѣдствія, *кастраты*: благородныхъ же псовъ пронесвости *перуну собачьяго перенись*, обложить податью, на рыльца ихъ надѣть намордники, на шеи—гаргуты. Но на капли собачьей крови не пролито, перенесли не сдѣлано, и собаки, во прежнему, горланятъ, лаютъ, кусаютъ, бѣгаютъ на свободѣ, и мы все бреемъ: здѣсь собака тайгуръ, тамъ мясникъ въ всѣхъ, а собаки чистятъ; стуть, оставаемъ на нихъ свою злобу. Въ уѣзскомъ дворѣ опарна. И никто этого не видитъ.

Изъ Бѣльской волости, Балагансаго округа. (*Новая волость; ея населеніе; урожаи*). Бѣльская волость образована въ прошломъ году изъ селеній волости Черемховской волости. Изъ дѣвяти этихъ волостей, въ распредѣленіи между ними селеній вышла некоторая неособранность: такъ, Гольмальскій участокъ врѣзался клиномъ въ Бѣльскую волость и по тракту приходится ѣхать изъ Бѣльска сперва чрезъ Черемховскую волость, а потомъ уже выѣзжать снова въ Бѣльскую, что вовсѣ не удобно. Кретскій и Подгорскій участки неудобство такого распредѣленія особенно сказывается на г. Мотовскомъ, отстоящемъ отъ Бѣльска въ 8 верстахъ, имѣющемъ къ нему во всѣмъ такомъ, того-же прихода, и отъ Черемхова въ 30 верстахъ, между тѣмъ, принадлежащемъ къ послѣднему. Случилось это, какъ оказалось, по той причинѣ, что нѣкоторыя изъ извѣстныхъ крестьянъ тонкольскаго общества внушили общественникамъ, что въ новой волости, по случаю особыхъ расходовъ по устройству, налоги будутъ больше, слѣдовательно, лучше остаться въ старой, и ошибались, ибо расходовъ еще не произошло: зданія для волости не строятся; правленіе помѣщается въ бывшей тюрьмѣ, большинство крестьянъ живутъ, хотя и предполагаетъ молодуть новый домъ, также и волостную тюрьму—по всѣмъ

видѣлъ, что не щадая ея единственной, дорогой ей, дочери,—что, нанявъ на большое мѣсто, прачь, торжествуя побѣду, ненадаю гаулвлись.

— Отчего она стала быть писаря и не любитъ. Просто и не глядитъ на мно,—говорила она.

— Пошто она это любить будетъ, кады онъ ей бель нельзя?—гаулвлся Василій.

— Послушай!—закричалъ я на него, не выдержавъ болѣе нерасости этой сцены.—Да ты скотъ, или человѣкъ?

— Я, слава Богу, крещеный.

— Такъ что же, почтенку—не грѣшно такъ бабу обижать? любить ей душу?

— Ишь, ты какой! Ну, а она пошто, рожа сука, лаетъ?

— Ну, и ты лаешь! Она тебя обличаетъ, ты отбиться не можешь—такъ ты ее задужнѣй ѣдка, на несчастія на стадъ выставленъ, погодай ты этакій!—невольно вырвалось у меня.

— Я, господинъ, не погодай, и долженствовать я старосту!—отвѣчалъ Василій, вставая.

— Ты, господинъ, въ словахъ не ошибаешь!—подхватъ его другой мужикъ, съ лицомъ горилы—безъ зба и обросшимъ волосами.—Не ругайся! Здѣсь царскій лѣсъ есть!—укоризненно тыкуетъ онъ пальцемъ въ стѣну.

— Изъ-за Оедосьи у людей засѣстра вопла,—вставалъ долгобородый старикъ.

— Она тобѣ чего порошокъ глотки встала?—обрываетъ старика зобатый парень.

— Постой, мущай мужъ придетъ: онъ ее отгладитъ!—сладко ругаетъ другой.

— Убирайтесь ны всѣ вонъ отсюда!—взорвало меня.—Здѣсь комната для прохлаждающихъ.

— Нашъ все одно—уѣдемъ!—галдѣ, подпанисъ мужики.

— Сѣдовавъ, братцы, безьзу постегать!... Мірокъ. Для науки.

— Мотри, свои Лукерюю чтоб, чтобъ она-те не дула!—отказалъ опять зобатый парень.

Они выходили одинъ за другимъ, суськовъ-же. Я шагалъ по комнатѣ и курилъ. Оеня стояла, вся пунцовая, и ея грудь вздымала поперемѣнно, сидисцо и какъ будто радость. Какая потѣха, она стала мы подобна смотрѣть на меня. Я чувствовалъ, какъ ея взгляды и мѣстъ то, что все происшедшее какъ будто сблизило, поднаконило насъ. Но вѣй было неловко: я, помимо ея воли, узналъ, что она «варначка», узналъ и ея супружескую тайну: мужа она презираетъ и видимо игнорируетъ: «нехому заступиться» —приношалъ я ея слова.

— А ты... справедливый!—простодушно сказала она, провожая меня по комнатѣ глазами.

Она прошла за перегородку, а оттуда въ сѣни. За перегородкой она оставила зажженную свѣчу, и я увидѣлъ мѣщанскую комнату—по

заниваются этимъ ремесломъ постоянно; надѣяя разводятся по окрестнымъ волостямъ самыя производителями и скупщиками; есть такое нѣсколько коженевъ, въ коихъ работаетъ сами хозяева, иногда съ помощію работниковъ. Кузницы, шорстойны, сукновальни, плотники изъ мѣстныхъ крестьянъ преобладаютъ здѣсь предъ прочими мастерствами такого рода. Занятіе извозомъ, тоже волость и въ сторонѣ отъ московскаго тракта на 20—70 верстъ, также занимаетъ немалое мѣсто въ ряду крестьянскихъ промыслъ занимъ и лѣтаютъ. Какимъ образомъ, въ общемъ, экономическое благосостояніе населенія волости можно назвать порядочнымъ.

Воровство усиливается; воруютъ все: лошадей, коровъ, хлѣбъ изъ амбаровъ, имущество изъ домовъ и амбаровъ; пиковыхъ, разумѣется, не находятся, да наше начальство и не утруждаетъ себя заботами розыскивать, находа болѣе пріятнымъ ничего не дѣлать, да исполнять приказанія полнаго писаря его извѣстныхъ друзей для ихъ пользы и выгоды.

Обращаясь затѣмъ къ текущему времени, надо сказать, что при ранней весенѣ, къ сожалѣнію, по случаю замедленія въ выдачѣ ссуды изъ магазиновъ, посѣвы не могли быть произведены рано; первыми сѣяли тѣ, у кого была свои сѣмяна; сеуды на весь посѣвъ не хватало, и спрашивали ссуды повторительную, но время все шло; хорошо, что еще поспѣ весну была благопріятна для посѣвовъ; съ Егорьева дня до половины мая было лишь три холодныхъ утренника, не причинившихъ вреда хлѣбамъ; часто перепадали дожди; до конца іюня тепло было въ достаточной мѣрѣ; почти прохладны; а потому всѣ всѣмы вполнѣ удовлетворительны; посѣвы скорые, ранніе, тучные, чему причиною какъ состояніе погоды, такъ и добротность сѣмянъ; урожай прошлаго года, хотя посредственный, далъ полные, тяжеловѣсныя, незабвѣя зерна, сѣмя вообще посѣвѣстно было хорошо. Выѣдешь въ поля, душа радуется,—говорили крестьяне. Бо, сожалѣнію, съ первыхъ числъ іюля, на большую окрестность дождя не было, атмосфера сѣдѣлась душливаго отъ полнѣсной жары, рожь не было нисколько, началась засуха, и потому надежды на полѣдѣ хорошій урожай стали слабѣть, а травы вышли положительно плохи. Такіе виды на урожай не въ одной здѣшней волости, а и многихъ окрестныхъ волостяхъ Балагансаго и Иркутскаго округовъ.

Съ весны и до нынѣ, на большія пространства, дымъ стоитъ тучами отъ лѣсныхъ пожаровъ. Весною-же лѣсъ попадалъ чуда и отъ нея по волости пало до 300 годовъ ратагаго скота.

20-го минувшаго іюля, какъ извѣстно, двадцатипятилѣтіе служенія въ святительскомъ санѣ высокопреосвященнаго Вениамина, архіепископа Иркутскаго. Все время своего святительскаго служенія высокопреосвященный провелъ въ Восточной Сибири. Въ Забайкальѣ, на Амурѣ до предѣловъ Камчатки и Японіи, въ особенности въ епархіи иркутской остались и остаются памятники его просвѣтительной, миссіонерской и административной дѣятельности. Въ настоящее время Иркутскій напечатанъ краткій очеркъ четырнадцатилѣтняго управленія высокопреосвященнаго Вениамина иркутскою епархіею, составленный по случаю вышеуказаннаго юбилея священникомъ, отцомъ Іоанномъ Литвиновымъ. Въ эти 14 лѣтъ при архіепископѣ Вениаминѣ построено 115 церквей и болѣе ста молитвенныхъ домовъ или часовенъ съ алтарами. Всей православной паствы въ концу 1873 года значилось по церковнымъ документамъ 484,219 душъ, къ концу же 1886 года 696,572 души обоего пола.

Въ Иркутскѣ, 29 августа, въ преосвященному Макарію, епископу каренскому, неизвѣстныхъ человѣкомъ представлено было письмо отъ иркутскаго губернатора и талонъ ассигновки на полученіе изъ казначейства 4,000 руб.; за этотъ талонъ неизвѣстнымъ человѣкомъ полученъ отъ преосвященнаго чекъ на 400 руб., на полученіе денегъ изъ сибирскаго банка. Талонъ и письмо оказались подложными. Составитель ихъ розыскалъ и оказался крестьяниномъ въ селѣ Ильемъ Кузьменко. При быскѣ, у него найдено 338 руб.

*) Это стихи заимствованы.

Digital Library of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Главное тюремное управленіе въ настоящее время занято окончательнымъ устройствомъ арестантскаго труда во всѣхъ тюрьмахъ Россіи. Къ 1 января будущаго года должна быть окончена организація всего дѣла, при чемъ предполагается, что всѣ, безъ исключенія, арестанты будутъ получать въ вознагражденіе за работы отъ 5 до 10%, заработка. Этого вознагражденія не будутъ лишены и арестанты ссыльно-каторжнаго разряда въ Забайкальской области и на Сахалинѣ, не только за работы въ казенныхъ рудникахъ и частныхъ промыслахъ, но и за всякія работы. Преобразованіе тюремныхъ учрежденій на новыхъ началахъ обойдется въ милліонъ рублей, объ ассигнованіи котораго уже сдѣлано представленіе государственному совѣту.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Петербургъ. Съ будущаго года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 19-го мая 1887 г. мнѣнія государственнаго совѣта пернозайдыбскіе торговые документы подлежатъ дополнительному сбору въ размѣрѣ 635 рублей, который будетъ взиматься съ пергамо торговаго свидѣтельства. Сборъ этотъ устанавливается не въ единовременныхъ пергамодьдскихъ предпріятій, а исключительно только съ акціонерныхъ обществъ, товариществъ на вѣрахъ, поземельныхъ банковъ, городскихъ кредитныхъ обществъ, общественныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита. Этимъ же распоряженіемъ повышена на 10% цѣна всѣхъ торговыхъ документовъ на волочной торгъ и ремесленное производство.

— Въ видахъ доставленія кустарямъ въ провинціальныхъ городахъ возможности пользоваться дешевымъ кредитомъ, предполагается разрѣшить государственнымъ товариществамъ выдавать имъ ссуды подъ условіемъ поручительства тѣхъ односелыцанъ-домохозяевъ.

— Главное управленіе почтъ и телеграфовъ, въ виду частной наклейки на письмахъ подлинныхъ марокъ, рѣшило штемпелевание марокъ замѣнить проклашиваніемъ, по образцу Бельгіи.

— Существуетъ предположеніе перевести въ Императорскую публичную библіотеку всѣ рѣдкія изданія и рукописи находящіяся въ архивахъ различныхъ министерствъ и другихъ учрежденій.

— Въ Петербургѣ разрѣшено изданіе политической еженедѣльной газеты «Правда» подъ редакторствомъ Коловнова.

— Предположено учредить русскія двуклассныя училища въ двухъ крайнихъ пунктахъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, Асхабадѣ и Мервѣ.

— Въ послѣднее время въ министерство народнаго просвѣщенія стали поступать отъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ ходатайства о прекращеніи производимыхъ ими денежныхъ пособій классическимъ гимназіямъ. Ходатайства эти, по словамъ «Кіевскаго Слова», мотивируются возникшими нынѣ затрудненіями для поступленія въ гимназіи дѣтей недостаточныхъ родителей и желаніемъ городскихъ думъ создать для нихъ подходящія профессіональныя школы.

— По сообщенію «Новостей Дня», турецкій подданный Берсъ жалуется на то, что приговоръ суда о трехмѣсячномъ заключеніи въ тюрьмѣ редактора «Нов. Вр.» исполнен не такъ, какъ того требуетъ законъ. Законъ требуетъ тюрьмы, а г. Федоровъ содержался въ одной изъ полицейскихъ частей Васильевскаго острова; законъ требуетъ безусловнаго лишенія свободы; между тѣмъ какъ Федоровъ каждодневно отлучался домой и фактически продолжалъ отправлять редакторскія обязанности.

Кіевъ. Нѣкоторые изъ евреевъ, желавшихъ поступить въ настоящемъ году, но не попавшихъ въ Кіевскій университетъ, не пожелали возвратиться обратно и приняли христіанство, желая быть принятыми наравнѣ со студентами-христіанами. Объ этомъ желаніи совѣтъ университета сообщилъ попечителю кіевскаго учебнаго округа, который съ своей стороны нашелъ необходимымъ испросить надлежащее разрѣшеніе у министра народнаго просвѣщенія, такъ какъ въ послѣднемъ циркулярномъ министра относительно пріема евреевъ сказано, что процентное число поступившихъ въ университетъ должно относиться къ лицамъ «еврейскаго происхожденія». («Од. В.»).

— Въ Кіевѣ къ концѣ августа, состоялся съѣздъ инспекторовъ народныхъ училищъ юго-западнаго края, имѣвшій предметомъ обсужденіе вопросъ о преобразованіи всѣхъ народныхъ училищъ края по типу церковно-приходскихъ школъ. Съѣздъ рѣшилъ, между прочимъ, ввести во всѣ школы учебники, одобренные св. синодомъ для церковно-приходскихъ школъ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Болгарія. Македонскій вопросъ, который тѣсно связанъ съ болгарскимъ, снова начинаетъ всплывать на поверхность. Въ Македоніи господствуетъ сильное недовольство возбужденіе въ умахъ. Сотни семействъ ищутъ себѣ пріюта въ Болгаріи и тѣмъ самымъ ставятъ правительство въ весьма затруднительное положеніе. Одною изъ причинъ настоящаго недовольства служитъ то, что Порта отказывается признавать за болгарскихъ духовенствомъ прана предоставленныя ей грекамъ и сербамъ. Турецкое правительство запрещаетъ болгарскимъ епископамъ фактически управлять своими епархіями въ Македоніи. Если Порта будетъ продолжать свой настоящій образъ дѣйствій, то, къ будущей веснѣ Македонія съѣдется самымъ темнымъ пятномъ на ея горизонтѣ.

— Въ кѣнскихъ политическихъ сферахъ говорятъ, что князь Бискаркъ рѣшительно заявилъ, что разрѣшеніе болгарскаго вопроса становится необходимымъ и должно непремѣнно послѣдовать. Присовокупляютъ, что въ виду этого германскій канцлеръ производитъ сильное давленіе на Порту и настаиваетъ въ Константинополѣ на томъ, чтобы она приняла, наконецъ, энергическія мѣры для обузданія самозванаго болгарскаго правительства. Германія требуетъ полнаго удовлетворенія на нанесенное ея вице-консулу въ Рущукѣ оскорбленіе и немѣдленно еще, удовлетворенія ли она удовлетвореніемъ рущукскаго префекта Мантова и нападаніемъ редактора газеты «Болгарынъ». Кобургскіе кружки крайне встревожены и смущены неожиданнымъ энергическимъ вѣшательствомъ Германіи. Въ этихъ кружкахъ сильно опасаются, какъ бы французское правительство не послѣдовало примѣру берлинскаго кабинета и тоже не потребовало бы отъ болгарскаго лже-правительства полнаго удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное тѣмъ же Мантовымъ какъ французскому вице-консулу въ Рущукѣ, такъ и нѣсколькимъ проживающимъ въ этомъ городѣ французскимъ гражданамъ. Послѣдніе въ особенности испытали на себѣ всю тяжесть дикаго произвола стамбуловскаго проконсула; домъ одного изъ нихъ, издумавшаго оказать сопротивленіе незаконнымъ распоряженіямъ префекта, подвергся разгрому и самъ французъ былъ жестоко избитъ. Англійскій консулъ отъ Рущукѣ тоже имѣлъ столкновеніе съ Мантовымъ и жаловался на него генеральному консулу въ Софіи. Тѣмъ не менѣе, въ дѣловыхъ дипломатическихъ кружкахъ положительно утверждаютъ, что лондонскій кабинетъ вряд ли присоединится къ протестамъ Германіи и, быть можетъ, Франціи, и удовольствуется кое-какими извиненіями, но противодѣйствовать направленнымъ противъ принца Кобургскаго мѣрамъ онъ во всякомъ случаѣ не станетъ. Всѣ нѣмецкія газеты заняты исключительно обсужденіемъ послѣднихъ извѣстій изъ Берлина относительно проектируемой противъ самозваннаго болгарскаго князя экспедиціи. Газеты по прежнему отстаиваютъ мысль, что лучшаго поступка для мирнаго разрѣшенія болгарскаго вопроса—политика laisser faire, laisser passer, причемъ извѣстіе о проектируемой посылкѣ въ Черное море германскихъ броненосцевъ съ цѣлью блокированія болгарскихъ портовъ считаютъ мало правдоподобнымъ.

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

Горное дѣло при Екатеринѣ II.

(Продолженіе. См. № 105).

II.

Мѣры для расширенія дѣятельности Нерчинскихъ заводовъ. Приписка крестьянъ. Ссылка преступниковъ. Отпускъ денегъ на содержаніе заводовъ. Наличныя, и не наличныя. Исключеніе плотниковъ рабочихъ изъ подушнаго оклада. Увеличеніе заработной платы заводскимъ рабочимъ-крестьянамъ. Увеличеніе платы за выплку пашни. Сокращеніе сроковъ крестьянской повинности. Недостатокъ мастеровыхъ на заводахъ и мѣры для восполненія оного. Учрежденіе нерчинскаго батальона. Присылка лекарей для заводскихъ крестьянъ. Инструкція, данная генералъ-маіору Суворову. Назначеніе главнымъ командиромъ заводовъ Нерчинскихъ; его странныя дѣйствія. Приговоръ о немъ, объявленный въ указѣ сенату отъ 28 января 1778 года. Назначеніе Арцыбасскаго, Карабыкина. Безпорядки по управленію Нерчинскими заводами. Принятіе заводовъ въ вѣдѣніе императорскаго величества. Земское управленіе на заводахъ. Продажа сѣнокосъ въ частныя руки. Стоимость содержанія заводовъ. Рудники и заводы Нерчинскаго горнаго вѣдомства. Содержаніе въ рудахъ металла. Количество металловъ, выплавленныхъ на Нерчинскихъ заводахъ.

Для расширенія дѣятельности Нерчинскихъ заводовъ, въ первомъ періодѣ, признавалась необходимою доставка на оные рабочихъ рукъ. Разсчитывать на быстрый, сообразный природѣ естественный приростъ, въ такомъ отдаленномъ краѣ, было невозможно; ссылкою селиться тамъ не находилось, и оставался одинъ путь: снабжать нерчинское вѣдомство ссылаемыми за проступки и уголовныя преступленія. Въ разсматриваемый періодъ мѣра эта практиковалась въ самомъ широкомъ размѣрѣ и установилась на столько прочно, что существуетъ и въ настоящее время, не смотря на неоднократно возникавшіе протесты противъ оной.

Приписка крестьянъ къ Нерчинскимъ заводамъ, въ качествѣ рабочихъ рукъ и для развитія хлѣбопашества, до Екатерининскаго періода шла въ невозможной постепенности: первые четыре года, по устройствѣ Нерчинскаго завода, онъ дѣйствовалъ вольнонаемными людьми, набирая таковыхъ въ тунгусовъ и бурятъ [1]). Въ 1708 году приписано крестьянъ, переселенныхъ съ р. Енисея, всего 104 семьи [2]); въ 1710 году приписано изъ разныхъ мѣстъ Сибири 78 [3]). Въ 1725—26 годахъ приписано изъ Западной Сибири 300 семей [4]). Къ 1726-му году въ Нерчинскомъ округѣ сказывается приписныхъ къ заводамъ крестьянъ 823 м. души [5]). Въ 1744 приписныхъ крестьянъ насчитывалось уже 2150 м. д. [6]). Въ 1756 году приписныхъ къ заводамъ было: 2132 м. д. [7]). Въ 1759 году изъ Томскаго и другихъ уѣздовъ сибирскихъ, а также изъ Енисейской и Иркутской провинцій, въ приписчикъ, неполнолѣтнихъ въ подушныхъ окладъ, приписано къ заводамъ 2868 м. д. [8]). Въ 1760 году приписано 1720 д. [9]). Въ 1796 году, по 5-й ревизіи, приписныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ крестьянъ состояло 14.561 м. д., въ 1851 году, по 9-й ревизіи, горнозаводскихъ крестьянъ считалось уже 20985 м. д. Изъ нихъ въ томъ же году отчислено въ казаки (забайкальскіе) 28991 м. д. [10]). Къ началу царствованія Екатерины приписныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ значилось около 6000 душъ [11]).

Недостатокъ рабочихъ рукъ побудилъ правительство стремиться возвѣстить таковой ссылкою въ Нерчинскъ преступниковъ. 22-го мая 1762 года [12]) повелѣно перевести въ Нерчинскъ всѣхъ каторжниковъ, содержащихся въ Екатеринбургѣ, которыхъ насчитывалось до 2000 чел. Обстоятельства, однако, помѣшали немедленному исполненію этого распоряженія и оно было выполнено уже въ 1769 году. Затѣмъ, ссылка всѣхъ уголовныхъ преступниковъ на Нерчинскіе серебропланильные заводы, продолжалось безостановочно, въ размѣрѣ 700—1000 человѣкъ ежегодно,—вплоть до 1773 года, когда, указомъ отъ 26 апрѣля [13]), всѣдствіе донесенія нерчинскаго горнаго начальства о томъ, что въ умноженіи колодниковъ надобности не состоитъ, приказано изъ принадлежащихъ отсылкою въ Нерчинскъ ссыльныхъ, до 2000 человѣкъ, переслать въ Оренбургъ и впредь посылку въ Нерчинскъ колодниковъ прекратить, направляя ихъ въ Оренбургъ, гдѣ предстояло произвести большія строительныя работы.

Кромѣ доставленія рабочихъ рукъ, для поднятія производительности Нерчинскихъ заводовъ практиковались и другія мѣры. Такъ, въ октябрѣ 1762 года, повелѣно: денежную сумму на содержаніе и размноженіе нерчинскихъ серебропланильныхъ заводовъ, ассигнованную къ отпуску изъ кяхтинской таможни отсылать деньгами, а не векселями, чтобъ остановки и упущенія послѣдовать не могло.

По прибытіи въ Нерчинскъ новаго начальника заводовъ генералъ-маіора Суворова, вмѣнившаго, что 61 человѣкъ, изъ числа находящихся при заводахъ служителей, мастеровыхъ и работныхъ, съ ихъ дѣтьми, зачислены въ подушный окладъ, да на прикланныхъ изъ Енисейской и Иркутской провинцій 489 рекрутъ взыскивается подушный окладъ изъ получаемаго ими жалованья; всего на этихъ 550 душахъ, къ 1-му февраля 1783 года, числилось недоимокъ 4040 руб. 45½ копѣекъ; да сверхъ того, за забранный служилтвомъ съ 1751 по 1761 годъ, изъ казны, прошлыхъ и разныя припасы имѣется долгъ на 7.000 рублей.

Суворовъ просилъ объ исключеніи помянутыхъ людей изъ оклада, такъ какъ они несутъ на заводахъ такую-же службу какъ и рабочіе на Колывано-Воскресенскихъ заводахъ «а Нерчинскіе заводы противъ тѣхъ Колывано-Воскресенскихъ во всѣмъ недостаточны, работою же и тягостью нимало не выгодняе; обо-де при Колывановскихъ заводахъ, считая всѣхъ мастеровыхъ, работниковъ и приписныхъ крестьянъ съ 27,000 человѣкъ, а тамъ 6,000.... а планово серебра безъ малаго половиною противъ оныхъ дѣлаетъся». Избавленнымъ отъ уплаты подушныхъ и прочихъ общественныхъ тягостей, какія спрашиваемы бываютъ съ записанныхъ въ подушной окладъ и сдатчиковъ недоимки, они надѣялись привести работчикъ къ «доброе состояніе», отъ чего они будутъ решостаніе трудитися и выплавка серебра въ умноженіе можетъ прійти къ большимъ количествѣ, чѣмъ доставлять взыскаціе съ нихъ подушныхъ денегъ.

Сенатъ уважилъ это представленіе и въ августѣ 1763 года [1]) приказалъ рабочихъ, служителей и мастеровыхъ, съ ихъ дѣтьми, изъ подушнаго оклада исключить и недоимку не выскивать.

Засимъ, по представленію Суворова же, увеличена плата крестьянамъ, приписаннымъ къ Нерчинскимъ заводамъ за работу и перевозку тяжестей [2]). Плата эта, установленная бывшимъ управителемъ заводовъ Блошинымъ, оказывалась въ половину, а перѣдко и въ 3½ меньше сравнительно со съ платою вольнымъ рабочимъ и была меньше платы поденной, установленной плакатомъ, которая также не была высока; а именно: пѣшому работнику съ лошадью 10 к.; пѣшему 5 к. зимой, съ лошадью 6 к., пѣшему 4 к. Рабочій день на заводахъ считался въ 12 часовъ. При перевозкѣ тяжестей разсчитывалася 3 версты въ часъ, включая время на нагрѣбку и свалку руды: грузъ на одинъ возъ опредѣлялся въ 15 пуд. (Разсчеты эти были установлены принятаніемъ къ существованію на Екатеринбургскихъ заводахъ)

Нерчинская горная канцелярія приняла по винѣ, что нерчинскіе вѣста горнаго и казенные, дороги «многотрудны» и въ примѣръ Россійскихъ, а паче при екатеринбургскихъ заводахъ и способнѣмъ къ возкѣ мѣстъ», признавала необходимымъ увеличить плату заработную и находила, что крестьянамъ нельзя давать меньше указанныхъ ниже: рабочему съ лошадью лѣтомъ 15 к., зимой—10 к., пѣшему лѣтомъ 8 к., зимой: 5 к., считая при этомъ провозъ не далѣе 30 верстъ; за разстояніе же свыше 30 верстъ уплачивать по плакату. Представленіе это утверждено.

Послѣ прибавки платы заработной заводскимъ служителямъ, мастеровымъ и рабочимъ, необходимо было прибавить плату также и крестьянамъ, посаженнымъ на десятинную пашню.

Въ силу указа отъ 18 февраля 1726 года, крестьянамъ этимъ зачиталось, изъ подушнаго оклада, вмѣсто помѣщичьяго дохода, по 40 к. съ души; засѣвали же они, по положенію, установленному заводскимъ начальствомъ, по 2 десятины на душу. На пашнѣ, до прибытія Суворова, числилось 520 душъ, да при нѣмъ посажено 134 души, итого на пашнѣ было 654 души, въ томъ числѣ старые и малолѣтніе. Всѣдствіе жалобъ крестьянъ на невозможность обработывать по 2 десятины казенной пашни на душу, они исключаетъ со счета лѣтей до 12-ти; по вслѣдствіе горестнаго плача «ни хлѣба на пахотуѣ, да и по всякъ вообще содержанія, зачитывать крестьянамъ плата за казенную пашню, по 40 к. съ души «подлинно мала и не удовольственна», а какъ заводскимъ рабочимъ плата увеличена, то, по его (Суворова) мнѣнію, надлежитъ прибавить и крестьянамъ и зачитать за двѣ десятины посѣвнаго хлѣба, съ уборкой онаго, по 1 рублю, остальныя же, а также за недоимку, выискивать деньги сполна [3]).

По указу сената 1789 года, изъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, 1882 души «для усиѣшѣйшаго хода заводскаго дѣйствія, останавливаемаго хлѣбопашъ продовольственнѣмъ, опредѣлены на заводское хлѣбопашество. На каждую душу возложена обработка 2 десятинъ въ 2400 квадратныхъ саженъ; сборъ, уволоть и сдача хлѣба зерномъ въ сельскіе магазины и приготовленіе третьей десятины подъ паръ для будущаго посѣва, которая передъ пахотою подъ посѣвъ, должна вторично переборонитися [4]). За упомянутую работу крестьянамъ зачиталася 1 рубль.

Кромѣ сего, они принимали необходимымъ сократить сроки одежды, выдаваемыя ссыльно-каторжнымъ и не взыскивать съ нихъ за утраченное платье, такъ какъ взыскаціи эти увеличатъ побѣги «и чинимыя ими злодѣянія».

На Нерчинскихъ заводахъ сроки и количество одежды полагались приблизительно къ положенію о колодникахъ адмиралтействъ—коллегій и были такіе:

На мундиръ: холста на рубахи подкладочнаго въ годъ 12 арш., грашедаго 8 ар. Бареть въ годъ одна пара, голенъ двѣ пары, упокомъ на 2 года три пары.

На кафтанъ и прочее серяжнаго сукна 14½ арш., шуба бараньи на 3 года одна.

Принимая во вниманіе, что отъ дальняго пути платья одежда портится и не можетъ быть такъ прочна какъ новая, а работы въ Нерчинскихъ заводахъ много труднѣе чѣмъ при адмиралтействѣ, Суворовъ просилъ: удвоить сроки одежды для шубъ на одинъ годъ, на кафтаны по полугоду. Холсты и обувь, при сносѣ такимъ бѣднымъ, въ случаѣ ихъ новыхъ, выдавать снова, сжегши ею утратили прежде на выдачахъ. Представленіе это утверждено въ 1765 году [1]). Въ концѣ 1769 года [2]) повѣлено не отсылать въ Нерчинскъ колодниковъ, обязанныхъ заработывать присужденныя съ нихъ деньги.

Распоряженіе это состоялось въ силу того обстоятельства, что въ 1767 году, изъ екатеринбургской монетной экспедиціи, отправлены въ Нерчинскъ 14 человѣкъ за полученіе на денежномъ дворѣ, 820 рублей 42 копѣекъ, для возмѣщенія которыхъ, на каждаго порознь, приказано отработать отъ 20 до 278 рублей, съ тѣмъ, чтобъ съ нихъ же взыскивать и подушныя деньги. (Съ этими людьми прибыли ихъ жены и дѣти).

Получивъ такое распоряженіе, нерчинская горная канцелярія донесла, что заработать такія деньги въ Нерчинскѣ нельзя, а удержать ихъ содержаніи не представляется возможности, потому что «всего то провіанта, платья, обуви и прочей денежной платы» причитается въ годъ на человѣка на 20 рублей; а какъ хлѣбъ въ Нерчинскѣ дорогъ, то и самая пересылка такихъ арестантовъ прямой убытокъ для казны.

Изъ сенатскаго указа, отъ 7 іюня 1771 года [3]) видно, что на 1-е января 1770 году выбыло не малое число мастеровыхъ и на 4 дѣйствующихъ заводахъ обращалось всего, съ маловерастними, до 900 человѣкъ. Для пополненія мастеровыхъ Суворовъ просилъ выслать хотя бы 300 рекрутъ, съ ихъ женами и дѣтьми; но сенатъ отказалъ, ссылаясь на потребность рекрутъ для войскъ, по случаю войны съ Турціею и предложивъ пополнить мастеровыхъ изъ поселенцевъ, необлавшихся еще домами, а о досылкѣ недостающаго числа снестись съ сибирскимъ губернаторомъ, чтобъ выслалъ лучшихъ людей изъ числа отправленныхъ на Иртышскую линію для производства крѣпостныхъ работъ.

Въ апрѣлѣ 1775 года [4]), всѣдствіе донесенія нерчинскаго горнаго начальства, что «въ умноженіе колодниковъ надобности не настоитъ» приказано впредь, на нѣкоторое время направлять такихъ въ Оренбургъ.

Но уже въ 1775 году недостатокъ въ рабочихъ рукахъ сказался опять и сенатъ докладывалъ государынѣ: Канцеляріи Нерчинскихъ заводовъ, жалуясь на недостатокъ людей, просятъ, не послѣдуетъ ли повелѣніе о зачетѣ въ 5 тысячное число крестьянъ, которое надлежало приписать къ заводамъ, въ силу инструкціи данной Суворову, и изъ числа коихъ уже поселено 3445 душъ, заместь въ ея вѣдомство всѣхъ жителей отправляетъ въ вѣдомство деревень, находящихся нерчинскому воеводству разночинцевъ, сымущихъ крестьянъ, не непровождающихъ торговъ [5]).

На запросъ сената по сему поводу губернаторъ Брилъ донесъ, что хотя Суворовъ и заявлялъ, что были даже желающіе перечисляться къ заводамъ, но онъ, Брилъ, такоимъ на одного не знаетъ, напротивъ, сколько ему извѣстно, никто не желаетъ, хотя желаютъ оставаться въ тѣхъ же селеніяхъ, «но быть подъ вѣдомствомъ воеводскимъ».

По вѣдомостямъ о такоимъ лицахъ, доставленнымъ горнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ оказалось: По заводской вѣдомости муж. п. 517 д.; женскаго 393 д.; по воеводской вѣдомости подсадскихъ 203 д., разночинцевъ 77 д.; крестьянъ государственныхъ 21 д.; экономическихъ 78 д.; исачныхъ 6 д.; дворянъ, дѣтей боярскихъ пожовъ. въ под. окладъ 169. Итого 554 м. д.

Всѣ они живутъ въ этихъ деревняхъ давно, здѣсь жили ихъ отцы и дѣти и небольшое только число ихъ нынѣ живутъ лѣтъ 15,17,5 и 3 года, которые сами туда перехѣали «безъ отводовъ». «Но, какъ всѣ они поселились въ давныхъ, а другіе не въ давныхъ лѣтахъ, то своему производу», то ему, губернаторъ, а также прокуроръ признаютъ нужнымъ приписать ихъ къ заводамъ крестьянъ, служилыхъ асыновъ и экономическихъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы посадскіе исполняли очередную службу въ нерчинской ратушѣ, какъ это они выполняли до сего времени; для чего требуется въ годъ по 91 человѣку, а на 2 года 182 человѣка и то только во время существованія нерчинскаго воеводства; съ учрежденіемъ же коммисарства, о чемъ уже сдѣлано представленіе, посадскіе могутъ быть отданы въ горное вѣдомство. Рѣшеніе вопроса объ экономическихъ крестьянахъ губернаторъ предоставилъ усмотрѣнію сената, а казаковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, также и приказныхъ, предполагалъ оставить въ воеводскомъ вѣдомствѣ «для служенія ими выборовъ у приказа расходу денежной и товарной казны и при проводкѣ нитей, у сбора разныхъ оброчныхъ статей и другихъ для содержанія по нерчинской границѣ караульовъ».

Послѣ приписки къ заводамъ упомянутыхъ лицъ, губернаторъ признавалъ нужнымъ, чтобъ лонка соли на Барзенскомъ озерѣ и разводъ оной были подъ смотрѣніемъ горнаго вѣдомства, но сношеніи, однакожъ, съ иркутскимъ соляннымъ комисарствомъ, а также, «чтобъ такъ за тою отдачею и всякія водводныя гонбы, по неимѣнію въ той губерніи имовъ, въ оному заводскомъ вѣдомствѣ отъ Читинскаго острога отправляемы были тѣми же приписными къ заводамъ селеніями, непривозивая къ тому находящіяся такъ исачныхъ инородцевъ».

Сенатъ одобрилъ проектъ губернатора и желалъ приписать къ заводамъ также и экономическихъ крестьянъ, но Императрица положила резолюцію «не отдавать» (3 ноября 1775 г. Москва).

По прибытіи въ Нерчинскъ, Суворовъ засталъ такъ дѣй роты, отконвандированныя отъ войскъ сибирскаго гарнизона. Одна изъ ротъ стояла на границѣ для прикрытія заводскихъ деревень отъ нападеній монголовъ, а другая находилась при заводахъ, для карауловъ и для конвированія арестантовъ и транспортовъ. Суворовъ просилъ о сравненіи этихъ ротъ, въ содержаніи, съ армейскими полками, такъ какъ на гарнизонный окладъ, при дорогомнѣй вѣсть припасовъ, онѣ существовать не могутъ.

Съ утвержденія государыни (1 октября 1763 года [4]) разрѣшено выдавать этимъ ротамъ добавочное содержаніе, до армейскаго оклада, на счетъ заводской суммы. Но упокинутаго числа войскъ вѣроятно было мало и опасность отъ нападеній монголовъ надо полагать была достаточно велика, потому что Суворовъ подумывалъ объ устройствѣ ополченіи. Изъ указа отъ 12 мая 1766 года [5]) видно, что онъ просилъ сверна 1500, а потомъ 3000 ружей, съ патронными сумками, и столько же палашей, для раздачи этого оружія населенію въ случаѣ нападенія китайцевъ.

Къ заботливости же Суворова надо отнести распоряженіе сената о высылкѣ въ Нерчинскій серебряные заводы лекаря, для пользованія заболѣвающихъ крестьянъ.

В. Андріевичъ.

(Продолженіе будетъ).

[1]) Горн. Ж. 1834 г., ч. 1, стр. 95 (Опис. Нерч. горн. пр. за 1713—1851 г. сост. Богдайскій Сиб., 1872 г. стр. 3—11).

[2]) Полн. собр. зак. № 11896.

[3]) Тамъ же № 11547.

[4]) Полн. собр. зак. № 13075.

[5]) Полн. собр. зак. № 11831.

[6]) Тамъ же № 11918 (7 статуга 1763 г.)

[7]) Полн. собр. зак. № 12449.

[8]) Журн. «Сибир. Вѣстн.» 1823 года.

[9]) Полн. собр. зак. № 12449.

[10]) Тамъ же № 13353.

[1]) Полн. собр. зак. № 13624.

[2]) Полн. собр. зак. 13975.

[3]) Сенат. архивъ кн. 138 л., 288.

[4]) Полн. собр. зак. № 11443.

[5]) Полн. собр. зак. № 12643.

[1]) Полн. собр. зак. № 13624.

[2]) Полн. собр. зак. 13975.

[3]) Сенат. архивъ кн. 138 л., 288.

[4]) Полн. собр. зак. № 11443.

[5]) Полн. собр. зак. № 12643.

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Дѣла, назначенныя къ слушанію въ **Томскомъ губернскомъ судѣ**.

На 28 сентября: 1) По обвиненію крестьянъ Семена Кущева, Петра Шарыкина и Семена Лаптонова, въ ограбленіи тѣхъ помѣщиковъ инородца Ивана Петрова. 2) По обвиненію крестьянъ Данко, въ убійствѣ мѣщанина Ивана Попова. 3) По обвиненію крестьянина Михаила Бурыгина, въ ограбленіи мѣщанина Абрама Дрейфуса. 4) По обвиненію крестьянинъ Онуфрія Поспонникова, въ краже. 5) По обвиненію сельскаго Николая Лиснаго въ подлогѣ.

На 29 сентября: 1) О бѣгло-каторжномъ Евстафіѣ Сиповѣ, крестьянахъ Василѣ Казанцевѣ, Василѣ Шмурдѣ, Дмитріѣ Чищевѣ и Василѣ Бурковѣ, обвиняемыхъ первый въ подлогѣ кредитныхъ билетовъ и послѣдніе въ сбытѣ таковыхъ.

Недоставленныя телеграммы.

Изъ Варшавы — *до остребованія Миколаю Невскому*; изъ Москвы — *до востребованія Смирову*; изъ Кіева-сну-же; изъ Тюмени — *А. М. Сибирякову*; изъ Петербурга—сну-же.

Метеорологическія наблюденія въ городѣ Томскѣ.

Съ 16-го по 22-е сентября 1887 года.

	Барометръ при 0	Температура воздуха въ Цельзіяхъ.	Относительная влажность въ процентахъ	Направленіе и сила вѣтра по ветрянкѣ	Облачность.			
					7 ч.	1 ч.	9 ч.	
16	737,7	7,3	72,8	46	10	10	10	
17	736,7	7,4	88,5	38	10	10	10	
18	740,9	7,1	86,7	35	10	10	10	
19	743,0	7,4	86,0	38	10	10	10	
20	742,7	7,4	86,0	41	10	10	10	
21	742,7	7,3	86,7	47	10	10	10	
22	739,7	7,6	83,7	47	10	10	10	
23	739,7	7,6	83,7	47	10	10	10	

Среднія: 739,6 мм. 7,6 гр. Цельзія, 83,7 гр. Цельзія и 4,6 гр. Цельзія, встрѣчаемъ в. ночью дождь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Симъ извѣщается, что **Томское Отдѣленіе Сибирскаго Торговаго Банка** перемѣщено изъ дома Некрасова въ домъ А. Н. Пастухова.
4—(10). № 338.

Братъ Н. С. ФЕЛЬДГУНЪ
перевѣзъ въ домъ Дрогомирецкаго на Пескахъ. Пріемъ отъ 10—12 ч. (10). 1.

ПРОДАЮТСЯ:
2 коровы, 12 стульевъ, отоманка, А. Песлисъ, нижній № 345, этажъ. Тамъ-же нужны **рожь**. (1)—1.

УПРАВЛЕНІЕ
западно-сибирской спичечной фабрики
М. И. МИНСКАГО и К°
имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Г.г. покупателей города Томска и иногородныхъ, что съ августа мѣсяца сего года **началось производство спичекъ**, при чемъ съ требованіями просить обращаться въ домъ наслѣдн. Минскаго. Продажа спичекъ нашей фабрики, Рижской и другихъ Россійскихъ фабрикъ и разныхъ товаровъ производится въ Ереневскомъ корпусѣ на базарной площади.
2—10 № 336. *М. Минскій и К°*

ПРИНИМАЮ ЗАКАЗЫ на шитье дамскихъ платьевъ и бѣлья для женщинъ и мужчинъ, такъ и женскаго, по весьма умѣренныхъ цѣнамъ; домъ Ватлина, на большой улицѣ, входъ со двора.
2—2. № 337.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫ
Меблированныя Комнаты,
по Магистратской улицѣ, въ д. Крюгера. Помѣщеніе и стоточно; со столомъ и безъ стола; кушанье отпускается и на домъ; обѣды изъ 2-хъ блюдъ 8 р. и изъ 3-хъ 10 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, постоянно закуски, обѣдъ и 1—3 чашки чай, кофе и прочее. Есть буфетъ. № 342.
Содержатель Л. Ѳ. Лямосовъ.

ПО СЛУЧАЮ ОТЪѢЗДА
въ рамочномъ заведеніи
МАНИЦА
дневная распродажа картинъ, пищущихъ рамокъ, пяльцевъ для вышивки нотъ (Мишкъ) и пр.
Деновъ и Тамара Лермонтова въ 4-хъ картинахъ. Благо-№ 344. вѣщенскій переулокъ, домъ Ивановой. (1)—1

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 СЕНТЯБРЯ
въ ссудной кассѣ
ВАСИЛІЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА
ЕЛЬДЕШТЕЙНЪ,
назначена аукціонная продажа всѣхъ просроченныхъ болѣе трехъ мѣсяцевъ вещей, о чемъ извѣщаетъ Г.г. залогодателей, покорнѣйше прося въ назначенному сроку выкупить вещи или же отсрочить на слѣдующіе мѣсяцы.
При кассѣ имѣются въ продажѣ зоротники собольи дамскіе и разнаго рода вещи, которыя продаются и безъ аукціона.
№ 248. *Томскій купецъ* **В. Ельдештейнъ.** (5).—4.

ОТДАЕТСЯ КВАРТИРА
въ отдѣльномъ флигелѣ на улицу, четыре комнаты съ мебелью вновь отдѣланныя; со столомъ и безъ стола. Магистратская улица, д. Крюгера, № 343.
(2)—3.

ЛОШАДИ и ЭКИПАЖИ.
Пара сѣрыхъ лошадей, большой бурый жеребенокъ, новые орѣховые сани и ранше лѣтніе экипажи Спросить Слободскій, д. Ланиной, противъ бани. домъ Плахотного.
2—2. № 338.

Издательница М. Ѳ. Картамышева. Дозволено цензурою, 24 сентября 1887 года. Типографія «Сибирскаго Вѣстника» въ Томскѣ. Редакторъ В. П. Картамышевъ.